

Анатолий Гринвальд

ЗДЕСЬ БЫЛ ТОЛЯ

Песни щербатого асфальта

А как устал, пойдя, купи билет до Сочи...
В купе сосед расскажет о себе, (не очень слушай),
И поезд тормозит везде... такая сволочь...
Да ты не лучше.
А как доедешь жив, то в ресторане
Напейся от души, к тебе за столик
Придёт богиня – интеллект, два иностранных...
Но много стоит.
А как вы с ней не то договоритесь,
Не то ли нет, ведь всякое бывает...
А если да, возьми богиню в лифте...
Без всяких правил
Приличия. Лифт будет падать, падать...
Ты будешь нежен... в меру агрессивен,
А утром запиши себе на память,
Что жизнь красива.

ДОГОНЯЯ АВГУСТ

Я был счастлив, когда ты курила на этом диване,
Прожигая его сигаретой, - теперь он весь в шрамах.
А потом говорила, что провожать не нужно, надевая
Через голову свитер и отсутствие шарма
В ситуации оправдывалось как-то само собой, без лишних
Надуманных сюжетных линий.
Ты уходила, а я загадывал "лишь бы
Это лето не кончилось"... кончилось всё, и ныне
Из окна наблюдая, как в осенний обморок падает сад,
И на зуб беря карандаша деревянный кончик,
Я пишу тебе, начинаю, верней, писать
В пятый раз, не умея, впрочем, ни разу закончить.

ГОГОЛЬ В ДЕКАБРЕ

мы научились делать тишину
из звуков города покрашенного сажей
мы научились слушать старшину
бывало скажет он а впрочем он не скажет
он мёртв уже давно раздавлен танком
его жена живёт с каким то немцем
и говорит когда он из неё выходит данке
и собирает марки пробки нэцки
я не бывал в донецке спой мне песню
про поезда парящие над сушей
про мир который пенису так тесен
я буду слушать слушать слушать слушать

ТАНЦЫ НА ПОГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ

опять блять осень
скрипит кроватью старой
земная ось
глаза устали
от монитора
прими коньяк
задёрни шторы
и накрайняк
есть телефон шатенки
из параллельной группы
она по вечерам на шейпинг
слова и губы
всё хорошо
из пальцев веер
и ты крещён
и даже веришь
внутри звенит
душа звонком трамвая
спартак зенит
мы их порвали
дыши дыши
пусть даже пациентом
ты будешь жить
в кредит под три процента
опять блять осень
слова бумага
земная ось
заржавела от влаги
и центр земли
там где ты плюнул будет
спартак зенит
ответный матч в стамбуле

ДАЛЬНИЙ СВЕТ ПО ВСТРЕЧНОЙ ПОЛОСЕ

Триста тысяч полётов стрелы до тебя,
Триста тысяч.
Я бухаю опять,
И опять не побрит, не подстрижен,
И ищу жизни суть,
А в пространстве воздушном
Тучи низко ползут
Вызывая удушье.
Помнишь лето в Крыму? -
Целовались без правил...
Нет не помнишь... память твою за корму
Капитан парохода отправил.
Капитан - он серьёзный мужик
По вопросам понятий и чести,
У него типа лондонский шик,
И в каюте винчестер.
Он без закуси литр
Выпивал и бросал тебя куклой на ложе,
У него так стоит -
Устоять невозможно.
Впрочем что я о нём,
Хуй с ним, ладно?
На балконе стою я сейчас под дождём,
Как под душем прохладным.
Здесь, в исход октября,
Бытие моё памятью только согрето...
...Гаснет день, как во рту у тебя
Сигарета.

ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА

Тишина, как после ядерной войны,
Ходит дворник во дворе с лопатой...
И деревья за окном больны
Листопадом...
Мне, я помню, не хватало глаз
На тебя смотреть и гасли спички,
И вошла, как ты входила в класс,
Жизнь в неизлечимую привычку.
И меня какая-то вдруг часть
По-необъяснимому захочет
Чистый лист вложить в конверт сейчас
И тебе отправить скорой почтой.
Солнце шлёт последнее тепло,
Вкус ментола чувствую во рту я...
Под увеличительным стеклом
Мои пальцы. И клавиатура.

ПОКОЛЕНИЕ "ПЕПСИ"

Три года в армии на флоте,
Тельняшка пахла керосином,
Прислал невесте своей фото,
Такой красивый.

А сверху пролетали чайки
Наискосок - изящно, гордо.
Кипел на камбузе тот чайник,
Чефир в котором.

По радио хрипел Высоцкий,
Там что-то про коней строптивых,
И дни текли неспешным воском,
Без баб и пива.

Нарыва на ноге касаясь,
Стонал салага, пахло гноем...
И мы себе казались сами
Ковчегом Ноя.

И снилось, но нельзя проверить,
Что где-то город и причалы...
Мы потеряли веру в берег,
Нас укачало.

**ПРЕИМУЩЕСТВО АВТОМАТИЧЕСКОЙ ВЫДЕРЖКИ
ПРИ ЗАПЕЧАТЛЕНИИ СРЕДНИХ ДВИЖУЩИХСЯ ОБЪЕКТОВ**

Берлинского вокзала возле
Ты выходила из пивной,
Проткнув шипами розы воздух,
Как детский шарик надувной.
Глазами провожал поддавший
На тротуаре нищий сидя,
Твой силуэт, напоминавший
Разоблачённую Изиду.
Застыл рабочий с длинной рейкой
Весь в бороде, а ля Рогожин...
И на часах споткнулась стрелка,
Что о бордюр хмельной прохожий.
Потом... но стёрлись все детали...
Быть может лучше будет в прозе...
А я стоял монументально,
Как памятник себе из бронзы.
Пускай ты платье замарала,
Пускай разрушена вся Троя,
Но всё в округе замирало,
Заснятое на поляроид.

СВИДЕТЕЛЬ НЕГОВЫ

почитай мне словарь Ожегова на сон
может мне тогда что-то присниться
у соседа справа звучит шансон
у соседки слева на клиторе пирсинг
пробегают волны по потолку
наклонив лицо и впадая в шёпот
потолкуй со мной потолкуй
про мои 35 и ещё про что-то
как-то быстро юность моя прошла
как короткий оргазм впопыхах в подъезде
и чего уж к всевышнему вопрошать
лучше сесть на трамвай и за водкой съездить
в остальном вроде вписываюсь в интерьер
пусть в окне острой саблей маячит месяц...
у соседа сверху лает терьер
у соседки снизу задержка в месяц

СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ

идёт июль день вроде как среда
ползёт к логическому завершению
и окружающая нас среда
несовершенна
пройтись за пивом позвонить в москву
зависнуть над холстом вздыхая тяжело
не поддаётся всё никак мазку
пейзаж в окне моей пятиэтажки
нужна собака мне. собака-поводырь
и больше ничего собаки кроме
чтобы найти тебя в одной из чёрных дыр
навсегда спального микрорайона
идёт июль день вроде как среда
я прохожу но без собаки мимо церкви
за мной из окон бабушки следят
свои шифровки отправляют в центр

ПОРНОФИЛЬМ

заклеен рот китайским скотчем
никто здесь больше не живёт
и девочка в чулочках хочет
чтоб я ей кончил на живот
когда в неё вонзаешь штопор
она один протяжный стон
и небо истребитель штопал
как прохудившийся гондон
не в тему вдруг подскажет разум
что с нею мог бы быть любой
пойдём в кино после оргазма
там нам покажут про любовь
там нам покажут про измены
тягучий сладкий мармелад
сфотографирована сменой
ты в стойке раком замерла
навек вечные доколе
подбив баланс и суммы смет
тебя иглою не уколет
с улыбкой строгой моя смерть

**МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СТАРШИХ КЛАССОВ**

географичка в школе говорила
(отбрасывали тень в окно деревья)
что амазонка полноводней нила
и я ей верил
физрук был без руки и пил втихую
в своей каморке, запивал томатным соком
а про физичку сочиняли - хуя
она не видела живого в свои сорок
директор был насквозь советский
и нас гонял за то что мы курили
в свои часы он потчевал нас веско
рассказом про мифодия с кириллом
и про других карениных. историк
запомнился по грюневальдской битве
и мне не вылезавшему из троек
сумел вдолбить он
что соответствует народ правленью
(и я внимал поскольку были уши)
что мы однажды потеряли направленье
в своих песках. и карфаген разрушен

ЗАРИСОВКА НА КРАЮ САЛФЕТКИ 2

таблетка чтоб за тобой не следили
с похмелья плющит как монету под поездом
хорошо бы сходить в сауну или
в парк хотя в парк боязно
там негры наркоманы и собаки без намордников
алкоголики с тупыми забавами
шприцы на траве и девчонки модные
покупают у негров кокаин разбавленный
привет демократия я твой пасынок
ты носишь улыбку первой леди
а я коверкаю себя словами напрасными
в начале третьего тысячелетия
что кончается первым - боль или слёзы
что цепляет сильнее - гашиш или бах
и по образу и по подобию создан
я спускаюсь в кабак
здесь навряд ли что поменялось со времени блока
те же здесь разговоры ну в общем во что кто горазд
так же ищут в бутылке на дне посетители бога
только вот незнакомка знакома уже много раз
закажу себе чешского пива а может быть водки
краем уха услышу: реал - барселона - ничья
и по радио диктор расскажет военные сводки -
что ты тоже всё помнишь и даже сильнее чем я
ну а больше и нет новостей в этой плоскости брэнной
на окне стоит кактус и он здесь конкретно зачах...
и как будто судьбе, я китайцу бармену
заплачу по счетам и оставлю два евро на чай

БАЛЛАДА О КРАСАВИЦЕ И ГУСАРЕ

замолвите слово о бедном гусаре
он с пулей в груди как с фиалкой в петлице
стоит и ждёт омский экспресс на вокзале
но поезда нет и он хочет напиться
её декольте ах какая уловка
его прикрывал но не полностью веер
она не приедет кричат заголовки
субботних газет но он в это не верит
позвольте мадам почитать вам из саши
и вот за спиной уже сплетни интриги
и мажут её платье белое сажей
ну что вы не стоит не нужно про книги
да муж на югах он там лечит подагру
какой нынче век такой уж и витязь
вы знаете он вот совсем не подарок
но меткий стрелок вы ещё не боитесь
в тиши кабинета порывисты жесты
и пало как троя на пол её платье
какое некнижное это блаженство
себя ощущать настоящею блядью
я вам до последнего выдоха предан
плевать я хотел что написано в прессе
да да я приеду конечно приеду
покрашенным в синее омским экспрессом
дорога в москву и платочек искусан
а дома скандал и разбитые вазы
а муж был и впрямь дуэлянтом искусным -
её декольте прострелил он два раза
внутри медальона её светлый волос
за фото где вместе они затаился
о бедном гусаре замолвите слово -
он ждёт каждый вечер экспресс из столицы

ПОСЛЕДНЯЯ СПИЧКА

служитель бахуса но трезвый в этот час
иду по парку августа неспешно
по сторонам глаза и учась
на опытах и на ошибках прежних
билет на жизнь мной куплен и пробит
в трамвае на неделе прошлой в среду
я к прошлому так намертво прибит
как был к кресту прибит иисус из назарета
я научился как мне не писать
и на какой мне не идти концерт
как не молиться лучше небесам
иль что там есть. метафора в конце

ИЗ ХРОНИК ХАРОНА

* * *

Оправданное роскошью безделье.
Графиня душит сладкий виноград,
Не отрывая тела от постели.
За окнами - застывший Петроград:
Геометрически настолько верной формой,
Что кажется - не город, а учебник
Для гимназистки, движется на волны
Невы. Дождливо. Инцидент исчерпан
Между графиней и светлейшим князем.
Она страдает, как страдают бабы
Без родословной. Тело жаждет казни,
И виноград не лезет в горло. Кабы
Она была испанкой - отомстила б!
Но кровь не та... да что там говорить, -
Издержки воспитания и стиля.
И всё дожди... такой унылый ритм...
Она звонит. Заходит мальчик: "Звали?" -
Почти беззвучно он. В глазах испуг.
Она лениво сбросит покрывало.
Он личико уронит в чёрный пух.

* * *

Ломайте пальцы, господа, октябрь на сцену вышел.
В холодный месяц на дрова пойдёт имперский трон...
Нас не спасут ни юнкера, ни вера во всевышнего...
Мой револьвер системы "Рэк" хранит один патрон.
Бегите к морю, господа, пока ещё есть море.
Снимите тувельки, мадам, то был последний бал.
Наш гимн (вы слышите, мадам?) звучит теперь в миноре...
Нам не помогут здесь сейчас ни Гай, ни Ганнибал.
Вот в гавань подан пароход с комфортными местами.
Вас ждёт Париж, Берлин и Рим... харбинские снега...
Я не спасу вас, господа, ведь я сентиментален -
Я не стреляю по своим, хотя и присягал.
Бросайте всё: любовниц, жён и лошадей в именьях...
Кто верит в разум и добро - последний идиот.
А я останусь здесь, мсье, я бегать не умею...
Мой револьвер системы "Рэк" осечек не даёт.

* * *

Наши кони покрашены в белое,
На штыки нас несут... Да, мы гордые...
Мы умрём в этот день за империю,
За Россию положим головы.
У врагов наших кони - в красное...
И в багряное... что за невидаль...
Ну, а мы русским Богом наказаны, -
Нам бежать из России некуда.
Нараспашку шинель... шашки наголо...
Фейерверками кровь в небо зимнее...
И за нами спускаются ангелы, -
У них кони покрашены в синее.

* * *

Снег в Шанхае, говорят, всё же бывает.
Несколько раз за зиму, иногда и чаще...
Укутавшись в хлопья влажные, напоминает пивная
Со стороны русскую избу... Губы подносит к чаше
Внутри заведенья поручик Голицын.
Он здесь мёрзнет, хотя редко ниже нуля.
Он не хотел бежать... хотел застрелиться -
Не смог, не хватило духа... или просто нельзя
По понятиям православной церкви.
Поручик неделю небрит и кашляет от гашиша.
Нет денег. Не узнают знакомые гейши и просто стервы.
В гостинице крысы. Когда идёт дождь, протекает крыша.
"Элен, дорогая, меня не узнать... страдаю бессонницей...
Удаётся ночью заснуть - снятся всё гильотины и плахи...
В русском квартале никогда не хватает солнца...
Вертинский вчера напился и плакал...
Милая, когда идёт снег, Шанхай пахнет Россией...
Я седею всё больше... где-то поблизости старость...
Это письмо принесёт тебе утром рассыльный...
У меня будет полдень... снег в Шанхае растает..."

Путешествие по великой реке Миссисипи на плоту с Гекельбери Финном

а дождь в этом августе выдался прямо на славу
найдёт где б ты ни был и душу до нитки промочит
тогда за бутылкой идти позвонить после третьей шалаве
а утром писать этот текст извините за почерк
а утром кефир и земфира в наушниках бодро
поёт про любовь ей наверно её не хватает
и едешь в метро и жуёшь свой без сахара орбит
и всё вроде так и газетчица с нимбом святая
быть может билетик трамвайный покажет счастливые числа
и словно всё знаешь зачем почему ну и главное где я
вот так улыбнешься в общественном транспорте девушке чистой
как-будто и сам без греха жил на этой неделе

вечер чая стакан лучше бы стакан вина
или хотя бы пару колёс седуксена
за стеною шумят соседи опять у них там война
воздух смешанный с запахом прелой листвы осенний
пробирается в форточку словно вор
только брать здесь давно уже нечего всё пропито
и на лестничной клетке какой-то тупой разговор
о долгах и процентах кредитах пробитых
а под вечер контрастный душ сигарета ли успокоит
своим дымом ментольным и терпким
небо цвета застиранных джинс наблюдаешь с балкона
лейбл отсутствует как на китайской подделке

Крестовый поход

Холод прозрачный, как водка в графине,
Дай мне промолвить, чтоб слово моё не замёрзло,
Дай мне его из гортани глиняной вынуть,
И отослать через крыши домов азбукой морзе
Или емейлом... что ж на мели ты Емеля
Вот и мели мелом крошево по тротуаром,
Вроде мы это не плохо с тобою когда-то умели,
Сколько с тех пор пролилось по стаканам из тары.
Стары мы стали, ломит в костях с непривычки,
Сколько ни пей, а внутри не горит, не теплеет,
Так, промелькнёт что-то, что сам торопишься вычерк-
нуть из биографии памяти... снега белее
Простынь в которую падаешь пасмурным утром
И холоднее чем снег эта самая простынь;
Что тебе снится? Египет? Москва? Кама-сутра? -
Просто синица на тёплой ладони. Так просто
Pall Mall с утра натошак и смириться с судьбою, -
Мне всё равно, я не местный, я выпал давно из обоймы...
Что же там было до этой зимы на обоях?
Я ничего не забыл, но не помню. Не помню. Не помню.

Такой случился здесь июнь,
Что в сердце до сих пор прострел...
И в ночь любую девять лун
Светило на мою постель.

Такой случился здесь июнь
(Ладонь запомнила овал
Лица)... влюблённый в нуль
Зубами нижнее срывал.

Такой случился здесь июнь
(Наматывал на пальцы косу
Последней юностью так юн),
И каждый день был високосным.

Такой случился здесь июнь
(Эдемский сад, Адам и Ева), -
Я в нём - нет, нет, я не тонул, -
Я каждой ночью падал в небо.

Такой случился здесь июнь
(Вечерний парк, обрывки вальса),
И твой прощальный поцелуй,
Как солнце в голове взорвался.

Так и запишем - светает,
Ночь уползает из города,
Но говорит "до свидания"...
Пасмурно, серо, холодно.

Так и запишем - не сбылось,
То, что должно было сбыться,
Утром пугает небритость
Зеркала.
Самоубиться

Вроде пока ещё рано,
Или уже слишком поздно
Пулей проделать рану
Сквозную... или под поезд...

Так и запишем - штрихует
Дождь в полнажима город.
Голос? Какого хуя! -
Наполополам расколот

Под топором дровосека
(На плаху пришёл добровольно).
Руки дрожащие... веки...
Так и запишем - больно.

Четвёртый день как осень прописалась
В моём микрорайоне. Всё законно -
Между асфальтом и сырыми небесами
Листвою пахнет прелой и сожженной.

На бильярдный шар похоже солнце,
Которое нырнёт под вечер в лузу.
На улицах не перевёлся социум
Подвыпивший, застенчивый и грустный -

Хотя уже стемнело и опасно
Гулять без пистолета и охраны.
В квартирах в этот час народный пастырь
О наших достижениях с экрана

Вещает и, возможно, верит в это.
А я иду туда бетонными полями,
Где собираются путаны и поэты
(Они взаимно так друг друга дополняют).

Мне там нальют вина, предложат пива,
(Там знают о моих пустых карманах)
Я буду пить и слушать терпеливо
Сонеты гениальных графоманов.

А после уже дома седуксена
Одну таблетку... при горящем свете
Включив медитативную кассету
Усну и не спрошу: "Зачем всё это?".

**ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК
С ВЫСОТЫ ПЯТЬ ТЫСЯЧ МЕТРОВ
БЕЗ ПАРАШЮТА**

Зависая над рифмой к прости -
Так два цента внутри кошелька
Ищешь без толку... и обрасти,
Как небритостью жёсткой щека
Словесами... Теперь всё не так -
Даже водка заметно слабее,
И боишься, что чёрный мудака
Перережет в пустынном сабвее
Тебе глотку за сотню ножом
Им украденным в булочной лавке.
Я все тридевять царств обошел,
Но втыкает мне в память булавки,
Как судьбы вариант запасной,
Как узоры зимою на стёклах, -
Строчка с именем в записной,
Что не стёрлась с годами. Не стёрлась.

**ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ
БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ**

Прибоя не слышно, так далеко до моря,
Хотя в любом магазине - устрицы;
И дождь трети сутки моет
Ранее пыльные улицы.
Загар не побаловал за лето, было холодно,
Зато ходил пару раз к девушкам в общежитие,
Одна ничего, у которой над бровью проколото -
Пирсинг и анфас небожителя.
В такие дни вспоминаю фото, которое давно порвано,
И твоё нижнее, слишком маркое.
Нам досталось с тобой от богов поровну,
И с тех пор в пустых камерах моего четырёхкамерного
Не живёт никто, только крысам немного сыра
На пол бетонный кладу я.
Там теперь неуютно и, наверное, слишком сыро,
И из каждого угла дует.

**НАДКУСАННАЯ ПЛИТКА ШОКОЛАДА,
ЗАБЫТАЯ НА ЖУРНАЛЬНОМ СТОЛИКЕ**

Напиши мне типа письмо,
Всё равно нету дел в этот долгий четверг, -
Как живёшь этой нечеловечьей зимой,
В этот нечеловечий век.
Нам с тобой вдалеке прозябать
Друг от друга (с этой ролью не сжиться),
Напиши мне письмо про себя, -
Как встаёшь с утра, с кем ложишься.
Напиши хоть фигню, хоть ложь,
Сидя около стопок книг на полу...
И о том, что меня всё ждёшь,
Напиши между строк, я пойму.
И письмо твоё в килобайт
Получив, я немножко умру,
Как в одной из своих баллад.
Вот мой адрес: agrinvald@mail.ru
Дни текут, как в часах песок,
И я к боли привык, с ней свыкся.
Напиши мне типа письмо
Русским шрифтом в формате Виндоус.

ТРИ ОРЕШКА ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Только бы не было холодно в эту осень,
Я бы тогда купил удочку и в Чехию бы поехал,
Лечил бы себя тишиной на берегу речки и очень
Пил бы чешское пиво, латая прорехи
Т.е. озоновые дыры в чешском небе взглядом,
И ни копейки не взял бы за свою помощь...
А со мной сидела бы рядом
Собака - овчарки и лайки помесь.
Только бы она ответила на мои письма,
Я тогда бы простил долг (560 евро) знакомому,
Но почтальон, как известно здесь всем, лежит при смерти,
И в чёрный зрачок мента на углу небеса закованы.
Только бы она была жива и жила бы мне по хуй с кем,
Пусть он бы покупал ей нижнее бельё в магазине,
И чертил бы на пляже, на мокром песке
Её имя мизинцем.
Только бы я не спился, что может произойти
Если осень будет холодная и пасмурная.
Только бы она написала, хоть одно слово, но не "прости",
А мне по хуй что, пусть даже то, что она чужая жена по паспорту.
Пока я это писал наступила осень и тополя
Показывают стриптиз, но без оваций.
Только бы мы с ней никогда бы не встретились, чтобы я
Не смог в ней разочароваться.

ОСТАВЬТЕ СООБЩЕНИЕ ПОСЛЕ СИГНАЛА

любила шопена и вальсы
(не съели и пуда натрия)
но платье твоё открывалось
как занавес в кинотеатре
и сердце стучало гулко
готово вот-вот оторваться
какая прекрасная кукла
какие движенья и грация
смотрели как птицы под вечер
кружили над этим городом
какая была доверчивая
но одновременно и гордая
с улыбкой и смехом Наяд
на кухне в ночной пижаме
какая была не моя
какая была чужая
и мы досмотрели кино
(навряд ли заценят в Каннах)
я помню твой номер но
титры бегут по экрану

ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО

Пойдём на пляж, увидим голубей -
(Наверно это повод удивиться).
...И небо здесь бывает голубей,
Чем на компьютере заставка "Виндоус".
Пойдём на пляж, в панаме ты, а я
Твою ладонь сожму нетерпеливо...
Нам по пути весь смысл бытия
Откроется, как поллитровка с пивом.
Пойдём на пляж, ты в теле молодом
(Оно тебе подходит этим летом)...
Ты пьёшь коктейль с лимоном и со льдом...
А я в зелёных джинсах из вельвета...
Пойдём на пляж, поверим в эту ложь,
Там дом стоит, в котором жил Волошин...
Ты в море мелким брасом уплывёшь,
И никогда обратно не вернёшься.
Пойдём на пляж, там словно жёлуди
Туристы жарятся под солнцем алым...
Оно там выжжет на моей груди
Кириллицей твои инициалы.

25 КАДР ИЛИ ВЫГОДНЫЙ РАКУРС ДЛЯ "КОДАКА"

На городскую площадь медленно входит утро
В лице невыспавшегося дворника,
Возможно он всю ночь изучал Кама-Сутру
С актрисой театра, чей муж сейчас пробирается двориками
Возвратившись досрочно из командировки,
(Через полчаса он будет рассматривать при свете ramпы
Не стёрлись ли у актрисы на обратной стороне татуировки -
Скорпион на бедре и на плечах два маленьких краба).
На городскую площадь утро медленно въезжает
В лице трамвая, чей водитель,
А это молодая женщина, вчера, перед тем как визжала,
Сказала директору трамвайного парка "войдите".
На городскую площадь утро медленно пробирается
В хмуром лице известного хирурга,
Который вчера после операции
Одной рукой держал окурок,
А другой медсестру за грудь, жену директора
Трамвайного парка, (грудь номер три и упруга).
Саму медсестру не расколоть и при помощи лжедетектора, -
Настолько она входит в роль образцовой супруги.
Медленно входит утро на городскую площадь,
В лице ученицы девятого класса -
Всё оказалось намного проще,
Чем она думала. Но её немного колбасит.
На городскую площадь утро входит
В лице преподавателя института (он носит шляпу и трость), -
Вчера на дне рождения он поимел кого-то
В ванной, пока гости выпивали третий тост.
Утро входит на площадь городскую
В лице законсервированного агента "Штази", -
Он идёт к психиатру. Он без оружия. Он рискует.
Он вчера дробил на порнуху три раза.
Я выхожу не торопясь на городскую площадь,
Заснятый со всех сторон на медленную плёнку.
Ветер флаг над мэрией полощет,
Как в реке деревенская баба - пелёнки.
Я иду в кафе, подлечиться чашкою чая.
(Глаза хозяйки кафе - порочный изумруд).
Персонажи, заснятые ранее, двигаться начинают...
Я не верю, что все умрут.

ИНСТАЛЛЯЦИЯ ПРОГРАММЫ ФОТОШОП ДЛЯ ВИНДОУЗ 98

Ещё тринадцатый до кожзавода ездил, помнишь?
И газировка в автомате три копейки...
Поддельные костюмы "Адидас" из Польши,
И астрономия в десятом классе - Галилей, Коперник.
За гаражами мы курили "Стюардессу",
(От "Примы" и "Казбека" воротило),
И торопились распрощаться с детством,
Натягивая на неокрепший Юс презервативы.
А жизнь всех обложила данью по своим законам,
И мы смотрели при свечах зажжённых,
Как наши девочки под утро с выпускного
Ушли, кто - в бляди, кто-то - в жёны.
Кому-то больше повезло, кому-то меньше,
(Всех причесал на свой манер железный гребень),
Но мы не думали, что нас в дальнейшем
Всего-то ждёт борьба за корку хлеба.
Мы научились по утрам не бриться,
И вот уж наши сыновья ломают целки...
И время через нас идёт так быстро,
Как электричка сквозь московскую подземку.

* * *

но ты не ленин
рот сиренью порван
густая кровь стекает со свечи
каждый из нас немного пушкин
одного дантеса на всех не хватит
ветер в припадке
бьётся головой о стену
ему тоже больно
молчи

* * *

столько лет живу,
а всё ещё не самурай -
никак не могу сделать себе харакири

* * *

Пишу тебе в один из февралей,
(Когда бы ты могла читать по русски)...
Но нам с тобою не досталось ролей
В театре-городе арийских улиц узких.

Пьеро играет кто-нибудь другой,
Сценарий - туп, и ты не Коломбина...
Суфлёр молчит с похмелья, под рукой
Ни шпаги, ни седла... Февраль... Ангина

У птиц (они теперь молчат,
Как будто на гашиш давно подсели),
И в череп не шампанское, - моча
Ударит ровно в полночь по Брюсселю.

В такие игры - как в прыжки с шестом
(Стремится в высоту мой нервный почерк)...
Пишу тебе в две тысячи шестой,
На месте адресата ставлю прочерк.

* * *

В провинции есть время для бессмертья,
(И, впрочем, для алкоголизма тоже).
Бессмертье выдаёт по строгой смете
Главред газеты (не бывает строже).
Разрежет ночь сирена неотложки, -
Кому-то жить болит, печально, тяжко,
Да и врача в машине что-то гложет,
И ветер падает на грудь пятиэтажки,
И комната наполнена тенями
Чужих предметов, к применению не годных...
Достань таблетки из буфета, няня, -
Твой Саша не уснёт без них сегодня.

**ВРЕМЯ ПОЛНОЧНОГО НАМАЗА
В ДОЛИНЕ РЕКИ ИНДИГИРКА**

Ночь вползает во все щели городка,
Крылом ворона пытается его измерить...
Жизнь, не сказать, что коротка,
Но её так не хватает перед смертью.

Выйдешь раскуриться на балкон,
Темнота рукой дома хватает,
И деревья отдают поклон
Ветру заплутавшему в кварталах.

Ночь, зажмурив в удовольствии глаза,
Мажет всю округу слоем сажи...
Ничего, что нечего сказать,
Кто-нибудь другой когда-то скажет.

Он напишет так, что пролистав,
Ты себя увидишь в строчках длинных...
...Ничего, что не найти листа,
Ничего, что кончились чернила.

Акварель без четверти двенадцать

Когда-нибудь и ты вернёшься в свой первый город,
Будешь ходить по улицам, не узнавая людей и деревьев.
Прочистишь пивом на лавочке в сквере горло,
Закуришь сигарету с ментолом, хотя и вредно
Курить на голодный желудок... а мимо
Тебя будут торопиться по важным делам прохожие,
Но никто не остановится и не назовёт тебя по имени,
А ты ощутишь, как под кожей
Шевелится и набухает давнее с глазами девочки Лены,
Которой посвящали песни местные барды,
(Теперь они спились), и уже новое поколение
Оккупирует дискотеки и бары.
Только птицы летают, как прежде летали, -
Бесстрашно, высоко и неоспоримо...
Сохранились ещё незначительные детали, -
Светофор на углу и в ларьке дешёвая "Прима".
Да и сам город, по-прежнему, выкрашен в бурое,
Всё лежит в степи потерянной тусклой брошью.
И завод на окраине всеми трубами
Пишет письма дымом на небе тебе из прошлого.

Некуда бежать

У меня скверный почерк, потому не писал тебе писем...
Погода тоже не радует, в такие дожди приходится пить очень много,
Иначе – всё слишком похоже на жизнь... с другой стороны допился,
Как видишь, до этого монолога.
В принципе, всё по-прежнему, без изменений:
Вымокший серый город, – полувеличественный, полуразрушенный...
Люди с испуганными глазами, ожидающие с неба знамений, –
Только они забыли, что Бог внутри, не снаружи.
Я, знаешь, устал притворяться человеком, тем не менее
В этом что-то есть, особенно когда выкуриваешь с утра сигарету.
Иногда слышу, как стучит указательным пальцем по темени
Отмеряя секунды, оставшееся мне время, но согреться
Не об кого, вот такое кино...
Выцветают краски на платьях красавиц, которых ты гладил...
Да и солнце уже не то, – можно смотреть не щурясь, пока оно
Не погаснет первым от твоего взгляда.

На высоте недостижимой,
Среди сатурнов и венер,
Вершит дела тоска моя,
На свой изысканный манер.

А здесь, куда ни глянь - сибиря.
На улицах волки. Законно
Подруга в ванной мастурбирует
На репродукцию Джоконды.

Спектр развлечений: взять, пройтись
По городу, да жаль лица...
Я был бы лучше в небе птицей,
Но третий день не получается.

Та стюардесса... мне бы с ней бы
Синхронно снять свои штаны,
Зубами выгрызая небо
Над всей поверхностью страны.

И я себе предполагаю,
Волосной чеша покров:
Она сейчас за облаками...
Возможно выше всех богов.

Весенний ноктюрн

Заразившись однажды болью,
Не найдёшь от неё медицинского средства.
Высылаю тебе бандеролью
Каждый день по кусочку сердца.
Меня знают уже на почте,
А потом я иду за пивом,
После пива я... впрочем,
Что потом бывает, забыл я.
Утром давит меня похмелье,
Как монетку на рельсах плющит.
Только знаешь, по крайней мере,
Это лучше чем ты, много лучше.
Наступает весна, набухают
На деревьях похоть почки.
Ты за тридцатьвесть царств. Я бухаю.
Меня знают в пивной и на почте.

Хрустальный остров

Ни о чём связками. Золотая пыль
В воздухе, как перхоть с головы солнца.
Вчера было проще, вчера пил,
Раз пять слушал "баньку" Высоцкого.
Сегодня же тишина в комнате
Висит на шелковой нитке, если что скажешь - шёпотом.
Только изредка звуки с улицы тишину комкают...
Жизнь - игра на ощупь, и куда ни пошёл бы ты
Всюду встретишь одно и тоже лицо с чертами
Принадлежащими когда-то тебе самому, - так прошлое
Старается корректировать реальность. Ни черта мы
Не в силах изменить в системе координат, поросшей
Поправками на судьбу. Когда-то казалось,
Что жизнь навсегда для лета и с профиля богини на цепочке слепок...
А теперь вымерзает за зиму сердце и даже жалость
К самому себе утратила цвет. Слепла.

Всадник без головы

Пьёшь белое вино, и замечаешь,
Что твоя кровь становится белой.
Пришло и в твою страну время праздников, всё чаще
Улыбаются встречные женщины на улицах, бегло
Отводят глаза, натываясь в твоих на вопрос, -
Вероятно очень откровенный, что бы тут же
Ответить на него кивком головы. Просто
Жить. Это всё, к чему можно стремиться, туже
Затягивая эти дни и ночи надеждой обрести
По полному вдоху в мгновение каждое,
Выписывая тайные знаки на коже бересты -
Слишком тайные. Слишком кажется.

Красный квадрат

Скомканный простыню день в углу мира, запах плесени
От промокших стен. Правда беспричинна,
Как песня.

Мальчики на пустыре бросают перочинный
Нож в сухое тело земли, но ей не больно,
И никогда не было. Завтра всё будет по- другому,
Думаешь ты, тем более
Ты нашёл, что искал так долго... под рукой
Между всего прочего
Пронумерованные по числам
В пачке письма из будущего. - Твоим почерком
На конверте - адрес, но ты уже здесь не живёшь и не числишься.

35 квартал или двойка по физике

Ещё помню в котёл играли,
Выкапывалась ямка, и нужно было попасть в неё битой.
Деньги на игру, как правило, крали
Из маминых кошельков, - не бог весть какой убыток.
Мне как-то не очень везло, выигрывали ребята постарше
Себе на сигареты и на портвейн, там всякий "Агдам"...
Я в те годы из крепких напитков пил разве что простоквашу -
Замечаю, что испортился с годами.
А тогда весенние лужи и всё такое,
В воздухе серебряными стрижами мелькание свинцовых бит.
Ни тебе заморочек, по поводу - "кто я?",
"Быть или не быть"?
Попадаешь в ямку своей свинчаткой,
И сердце уходит куда-то в спину, бьётся с тыла,
Как в клетке синица, а на сетчатке
Застыло в зените солнце. Навсегда застыло.

Дежавю

Вот также с другой стояли на кухне и курили,
И птица залетела в форточку.

- Что ты будешь делать с птицей? - спросил я.

- Не знаю, наверно, отрублю ей голову.

Жестокий век.

Реминисценция

Дождлся вот лета, теперь уже нечего ждать,
Разве, что иногда дождей с молниями,
Но не торнадо, которое по привычке атакует штат
Где-то в Америке. Ночная бабочка по имени моль
Бьется о светящийся монитор, словно за ним
И спрятана её свобода. Взаимная
Ошибка. Кому-то из нас
Так и придётся умереть в этой комнате,
(Пускай это лучше случится в ненастье,
Когда ветер рукой огромные тучи комкает).
Но пока вот лето, радио что-то там говорит
Про дефолт, безработицу, звёздные знаки,
И свеча горит, и свеча горит
На странице сто десять у Пастернака.

Разговор с Моцартом

Плывут в толпе друг к другу лица,
На Невском толчея, бардак,
И лето кажется продлится
До ядерной зимы. Бодра
Июньская природа –
Дуб держит небо, как атлант,
И при стечении народа
Меняет на гроши талант
Какой-то гитарист печально,
У бочки с пивом – алкаши,
И крики чаек на причале
Вонзятся в воздух, как ножи.
Наносишь ручкой, что стилетом
Слова на вырванный листок.
И длится лето, длится лето,
Как рейс Москва – Владивосток.

Ностальгия по простуде

Осень шарит озябшей рукой по улице,
Замирает секундная стрелка от холода...
В чёрном небе звезда поскользнулась,
Что б упасть на окраине города.
То ли мыслями был далеко, растерялся,
Состраданием к миру ужаленный,
Только я по привычке дурацкой
Не успел загадать желание.
Может кто-то в февральское крошево,
Под застывшими насмерть осинами
Загадает, успеет – хорошее,
Когда я упаду с неба зимнего.

Холодное лето

Застывший рай из проводов и вен,
Где поездам не верить, не прорваться
Сквозь окна в небо... у обшарпанных таверн
Качаются под вариации
Фантома в опере обугленные цапли,
Висят матросы на верёвках бельевых,
И что ни слово – словно по сердцу царапина,
И что ни взгляд – удар под дых.
По выходным играет в клубе танцы
Трофейный и потрёпанный баян,
И вроде можно здесь до полночи остаться,
Но музыкант не брит и сильно пьян –
Фальшивит, сука, на высоких нотах,
Играют бляди в скучных недотрог...
Завклуба обещал на днях кино про Донкихота,
Но это коли не размыло к нам дорог.

Трактат о превосходстве гашиша перед марихуаной

Да Винчи, милый Леонардо,
Пора нарисовать Джоконду,
В обычном платье, не нарядном,
Чтоб вздрогнули Париж и Лондон.

Пора коней седлать да Винчи,
Поехать гордо в Мекку – к Риму,
Смотри, как я сегодня взвинчен
Неповторимо.

Пора да Винчи жить, как дышишь,
Ну а дышать, как перед смертью.
В груди ведь сердце, а не льдышка,
А мы – виконты, а не смерды.

Пора, да Винчи, полным ростом,
Чтоб ощущать себя острее,
Сквозь зубы сплюнуть и встать просто,
Как на ветру перед расстрелом.

Ты хаживал неоднократно
В любимцах муз, да Винчи, ну же...
Тебе да Винчи, в руки карты
И кисти... что ещё там нужно?

А у меня да Винчи, милый
На кухне увядает кактус,
И женщина проходит мимо,
Которая любила как-то.

Роман без героя

Будет лето, конечно будет
Много солнца, девушки в лёгких платьях
Не отвергающие флирта, блуда...
Девушки с волосами цвета платины.
Я поеду на пляж, куплю по дороге пива,
Буду пить из горла за ресницы, колени
Незнакомок, которые терпеливо
Ждали этот июнь, и за зиму не околели.
А ещё я куплю себе этим летом сомбреро -
Пусть висит над кроватью – пить, есть не просит.
Проколю одно ухо, виски обрею
Не зачем-нибудь, а так просто.
И под тёплым дождём стоять на балконе буду,
Рукой облако трогать из шерсти овечьей...
Словно сам себе Магомет, Иисус и Будда...
И мне будет казаться, что лето вечно.
И мне будет казаться, что я незряшный,
Что на землю я с целью какой-то послан,
И забуду, что было со мною раньше,
И не вспомню, что будет со мною после.

Вид на гору Арарат с высоты птичьего полёта

Цезарь, не ходи сегодня в сенат,
Ты поверь, что сказала тебе жена -
Для крови твоей приготовлено много фляг,
Там тебя порвут на британский флаг.

Цезарь, не ходи сегодня в сенат,
Твоей жизни сегодня - плевок цена,
25 кинжалов войдёт тебе в бок,
И никто не вспомнит, что ты был Бог.

Цезарь, не ходи сегодня в сенат,
Там твои убийцы стеной стоят,
Им тебя сегодня нисколько не жаль:
В каждом взгляде приговор и кинжал.

Цезарь, не ходи сегодня в сенат –
Там в крови весь пол, и в крови стена,
Там тебе на рога накинута хомута,
Там тебя распнут, как того Муму.

Цезарь, не ходи сегодня в сенат,
Лучше двинь паломником на Сенай,
Ведь в сенате сегодня громко орут,
И глазами честными смотрит Брут.

Путевые заметки

Чего-то захотелось мне скажи,
Чего мне надо, в этом параллаксе.
Здесь жизнь идёт, как поезд товарняк.
На то она по-прежнему и жизнь,
На то на солнце пятна, словно кляксы,
На то и существует наверняк,
Чтоб мы не изнывали от простуды,
И пили водку из большой посуды.
Строители играют в домино,
И матерятся матом понарошку.
В Европе холодно. В Италии темно.
Власть делает из нас опять крошку.
А что строителям? Им по ширинке всё,
Им лишь бы был раствор, кирпич, прорабы,
И после спирта пить томатный сок,
А там по бабам и пройтись пора бы.
Здесь правит не Христос и не Аллах,
А тот мужик остриженный и в робе.
И замечаешь ты, что в этих кварталах
Ты сокращён до бесконечной дроби.
Так оставляют на воде следы,
Нет страха пеплом стать, иль перегноем.
Откроешь форточку, и ангел залетит,
А говорят, что болен паранойей.

Город ангелов

наверное смерть это повод побриться
как выпивка после работы во вторник
но нож в рукаве и накачанный бицепс
тебя не спасут от любви в подворотне
а в среду похмелье а в среду ломает
и в городе солнцу светить запретили
и в жизни твоей как в бульварном романе
расставлены все запятые
и нож подносить белый белый к аорте
себя загоня вопросами в угол
как профи боксёр новичка в этом спорте...
написано. ватман и уголь

Письма мёртвого человека

одев медаль «за помощь при оргазме»
из дома выйти чувствуя вину
за граждан что спешат в противогазах
на службу будто на войну
столкнуться с отраженьем в коридоре
с потенциальной пулей в виске...
нам скидку предоставит крематорий
за то что жили также как и все
петляя в лабиринтах тесных улиц
сбивать со следа собственную тень...
блокада города немного затянулась —
нет свежих порнофильмов третий день
чтоб не попасть в расставленные сети
спускаешься по эскалатору в сабвей
фотограф всё снимает на кассету
кассету передаст он в фсб
мы проиграли время цирк уехал
менты а не шарманщик у ворот
и если крикнуть то вернётся эхо
в раскрытый перекошенный твой рот
свобода ты одна вот так умеешь
не попрощавшись не допив уйти...
я манекен не больше и не меньше
не трогайте мой ценник на груди

Такая календарная весна
За окнами течёт, зажата рамой.
Вытряхиваясь поутру из сна,
Разбужен словно срочной телеграммой,
Ты наблюдаешь, что скользит апрель
По лужам кучевыми облаками,
Зброшенный вдруг в нашу параллель,
Как из рогатки выпущенный камень.
И небо аж до рези по глазам -
Заставка виндоус сине-голубая,
Всё смотришь в глубину, как-будто сам
Нарисовал его. И не о чем губами.

Уроки биологии для начинающих

Я люблю девушку из клипа «Аэросмита» - «Крейзи»,
А по средам шатенку, что сидит в «Aldi» за кассой...
Я не знаю зачем назвали «Авророй» крейсер -
Налицо символизм, если болеть за красных.
К символизму причастен Блок, запомнил я это из школы,
Там учили ещё, что варвары были причиной гибели Рима,
Там директор ездил (считалось круто) на старенькой «Шкоде»,
И у всех пацанов стоял на Марину.
У Марины губы, глаза и губы... И ещё раз глаза и фартук белый...
А над всем этим тёмные тёмные локоны...
И зима за окошком крошилась мелом,
Когда у доски она отвечала из биологии.
Где Марина сейчас, не подскажет и Гугл...
Помню, раз за неё меня крепко побили...
Её образ опять ставится в угол
Памяти, после того, как избавлен от пыли.
Ну а здесь 35 лирическому герою,
И Марина ни разу им не была раздета...
Снова снег словно мел из её руки эту землю покроет...
Каждый год словно выстрел в упор. Но кость не задета.

Дмитрию Савицкому

такие письма не случайны
об камень волнами разбиться
а там уже другое утро
и в коньяке дешёвый спирт
а после анаша под ногтем
прошу пройти через таможду
и ветер выдувает кости
но бог не фраер он простит
мы стали частью честью мира
мы провод в руки обнажённый
когда-то взяли и поныне
не написал законы ом
и аум падает на темя
как ворон что так долго вьётся
и женщина чьё имя было
какой-то станцией метро

вот и март глазами луж смотрит в душу
не дойти не промолив ног до таверны
и тоска схватив рукой за горло душит
как отелло дездемону так же верно
и с любовью да и кровь уже не греет
выдохлась хлеб чёрвств мартини горек
ты ждала так капитана грея
а пришёл тихушник алкоголик
жизнь сложилась из слагаемых нечётных
вычти из неё что хочешь сделай милость
если подведём баланс мы для отчёта
то в итоге будет ноль а может минус
ты ждала так капитана грея
приготовила для встречи браги флягу
капитан твой не придёт - висит на рее
это я его повешал вместо флага

пусть за нами до рассвета
кот чеширский наблюдает
мы большие мы раздеты
дегустатор губ летальных
девочка с глазами вора
я сегодня буду первым
скоро выстрелит аврора
в яйцеклетку вязкой спермой
на стене разломы молний
за стеной ноябрь морозы
я устал ты падший смольный
входят в вестибюль матросы

Зарисовка на краю салфетки

осенний воздух клочьями свисает
пронзённый голыми ветвями палисада
с небес где богородица святая
исусу вяжет шарфик полосатый
идёт война но это там на юге
а здесь лишь в шахматах свирепствует пехота
да вечерами ищет пятый угол
боксёр на ринге одурев от апперкотов
а у пивной глазами росомахи
глядит уныло как поверх голов
вбивают журавли свой клин с размахом
чахоточное небо расколов
наш участковый серик кенжибеков
застывший здесь с величьем монумента
и иногда сквозь вату скудно блекло
сияет солнце стёртою монетой

даша наши души устарели
и не подлежат они ремонту
даша вместо приза в лотерее
получаешь в подворотне в морду
даша даша ноги из капрона
мы с тобой выбыли из ралли
развели нас даша лохотроном
и сердца на органы забрали
вмажем и покурим снова вмажем
помнишь даша как я ждал в парадном
даша даша я и сам бумажный
скомканный эпохой лист тетрадный
даша даша мелкие глоточки
водку пьёт и не закусит даже
вся вселенная свернувшаяся в точку
между ног пульсирует у даши

* * *

Японский мальчик плачет на картинке...
Я думаю: "ну кто тебя обидел, -
Мышь в подполе, крик птицы, или ветер?"
Он вытирает слёзы рукавом,
И говорит отчётливо: "Никто".

Я тоже в детстве плакал, не скрываю...
Без повода и цели часто плакал...
Бывало так - сидишь весь день и плачешь,
Не ведая, что слёзы жемчугами
Вдруг станут через сотню лет земных...

Потом я вырос... Стал большим и сильным...
Я так боюсь, что разучился плакать...
Попросит кто - поплачь - а ты не сможешь...
Захочешь, но не сможешь больше плакать...
Так будешь всё ходить и удивляться:
"Я разучился плакать, люди... разучился..."
И год пройдёт, и два... А ты всё ходишь
И удивляешься, что плакать разучился...
И вдруг заплачешь от обиды на себя...

Девочка, девочка, глаза влажные,
Мне бы упасть в тебя, как в могилу,
Чтоб навсегда быть только вашей
Вещью, девочка... мы с вами смогли бы
Погружаться друг в друга глубже и глубже,
Как киты в океаны? (ваши зарубки на теле)...
Девочка, девочка, вам в Алушту,
Мне же - в запой на неделю.
Девочка, девочка, (опера мыльная),
Пирсинг, лобок обритый...
Я же кажусь себе, милая,
Планетой, сошедшей с орбиты.
Я не при деле. Я в Вас не участвую,
(Уеду в Монголию, в Ливию)...
Девочка, девочка, будьте счастливы,
Будьте любимы, любимая.

Где ты? Ты у меня в душе...
Дрожали пальцы (через них шёл ток).
Скажи, в каком из этих падежей
Ты ноги раздвигаешь между строк?
Каблук, проткнувший так небрежно пах;
Наездница, на переправе поменявшая коней.
И террористы с пеной на губах
Взрывали поезда твои ко мне.
Луна катилась кеглей в вышине,
Где пуговицей стрельнул твой жакет
В упор. Мадам, мне странно, что шанель,
Ещё немного пахнет на щеке.
Вас унесло цунами навсегда,
(А может дальнобойщик по одной из трасс).
Для боли непривычна высота,
Мной взятая с шестом на этот раз.

Войдёт зима на цыпочках в твой дом,
Наобещает, но не напророчит.
И в прошлое поверится с трудом,
Как верится по воскресеньям в почту.

Войдёт зима, присядет у окна,
Попросит чай в сиреневом стакане,
И спросит сколько лошадей загнал,
Пока искал свой философский камень.

Не снег на землю пал – господень дух,
Зима грехи отпустит иль замолит.
А ты покажешь, глубоко вздохнув,
И льды в зрачках, и на душе – мозоли.

Чтоб отогреться – водки в горло влей,
Видать, твой путь был вправду слишком длинным.
Пока ты шёл за чашею своей,
Ты весь промёрз до дна, до сердцевины.

Молчит суфлёр, и птица не кричит,
Косится божий сын в углу с иконы.
Твой философский камень – кирпичи,
А чаша – это кружка с самогоном.

Что не сказал, а только говоришь –
Найдёшь, быть может, в памяти пороясь...
И некуда – ворота отворишь –
Кругом зима... Кругом зима по пояс.

Романс для Жанны дэ Арк

Ебанутая Жанна живёт этажом выше,
У неё голубок на подоле вышит,
Голубок, как известно, пиздатая птица -
Се есть дух святой, он с небес спустился.

Ебанутая Жанна живёт этажом выше,
Я и сам гоню, когда её вижу,
Целый день потом не в себе, плачу,
Собираю в горсть слёзы, под подушкой прячу.

Ебанутая Жанна мужчин никогда не знала,
Был один, да сгинул - в казино проигрался, знамо...
Ещё был солдат, писал длинные письма,
Но приехать не смог, знамо спился.

Ебанутая Жанна почти святая,
У неё вокруг головы мотыльки витают,
Она слышит два голоса – добрый и злой,
И пока не знает, что станет золой.

Ебанутую Жанну сожгли на костре монахи,
Я хотел подойти спросить – на хуй?
Дым глаза мне щепал, дым ядовитый...
Голубок не сгорел. Улетел. Я видел.

Песни щербатого асфальта

1

Все досталось мне в этом мире:
Скороговорка гнущихся деревьев,
Вонзающих кривые ветви в воздух,
Расчерченный на тысячи пространств
Архитектурой пасмурных окраин,
В чьих лабиринтах долго бродит крик
Новорожденного, но не находит выход
И затихает через двадцать тысяч дней
На кладбище в дождливую погоду.

Изъезженные сомнением глаза,
Крадущие сентябрьские лучи
Болеющего черной оспой солнца,
Не задают вопросов, не клянутся,
Но и не верят отражению напротив,
Сто раз обманутые...

К вечеру сыреет.
На город сыплются охапки хризантем,
Что не привычно в этом регионе...
Прохожие смеются. И удивляются. И недоумевают.
И друг у друга спрашивают лица:
«Что это – сон? А, может, это мы
Приснились сами все жестянщику-китайцу
Из сказки о волшебном фонаре?»

2

Где мальчики воюют с голубями
Я был. Я видел дерзость мышц тугих,
И мне на шею лассо опускалось...
Стремилась выдернуть меня из мира
Окоченевшие коричневые пальцы,
Не знавшие иного развлечения,
А, может быть, не знавшие иной
Возможности для самоутверждения,
Помимо разрезания лягушек...
Ах, скольких Русь лишилась царевн!

Болотный запах. Песни комаров.
В зрачке – звезда, подернутая тиной.
Шум поездов. На шпалах навзничь – мальчик.
Он из других. Смычком ведет по струнам
Ожившей и летящей в небо скрипки.
Корежат воздух поезда, плюют мазутом

На слишком детское для этих игр лицо,
Но музыки его не заглушают.

3

Я из истории запомнил: боги смертны,
Здесь, на земле, их так легко обидеть...

Мне б только потянуть за эту нить
И убедить себя, что не напрасно
Людьми выдумывались боги, а богами –
С любовью или без нее, земные люди,
Их волей обреченные на жизнь.

Я знаю тридцать три красивых буквы –
И это все, что с жизнью нас венчает.
Вся нежность сублимируется в звуки,
Лежащие лениво мягким светом
На целлулоиде глубоко-синих листьев,
Украшивших гирляндами венков
Незнаменитые, провинциальные могилы.

Сыграйте, Бах, мне что-нибудь из Бога,
Хотя мой слух для этого убог,
Я постараюсь слышать ваши пальцы
И то, как кровь в них шевелится пульсом,
Готовая прорваться вдруг наружу...
Сыграйте, Бах, мне очень это нужно.
А вы, Дали, мне нарисуйте небо,
И что б оно сужалось в чьё-то нёбо,
Что б звёзды загорались вдали...
Да, нарисуйте небо мне, Дали.
Вы, Бродский, расскажите ваши песни,
Поправив старомодное пенсне,
О том, как жили вы все эти годы
Так одиноко, далеко от города
С названием красивым – Петербург.
И подскажите, как расставить буквы,
В каком арифметическом порядке,
Что б во Вселенной было всё в порядке.
Вы пойте громче, милый Паваротти,
В Ла Скала и в московских подворотнях,
В подземных переходах, кабаках,
Под музыку, что мне играет Бах.

Бритва Оккама

предосенье наступило предосенье
плачет город веточками ив
выезжают на пикник за город семьи
ветчиною рюкзаки забив
у вокзала гитарист играет соло
кажется что лишь для нас двоих
и запутался луч матового солнца
в волосах твоих
спросишь ты зачем так много грусти
в звуке перетянутой струны
и в ответ наверно улыбнусь я
прикурив с обратной стороны
нанесу тату я на скамейке
перочинным маленьким ножом
"здесь был толя" и дрожа от смеха
ты припишешь ниже - автор жжёт
мы уйдём из парка торопливо
сбросив в этот вечер пару лет
и допьёт неспешно наше пиво
бомж смотря задумчиво нам в след
вспомнит он как тоже был любимым
вспомнит платье пёстрое из ситца
и собаку звали вроде бимом
а её он называл синицей
вспомнит он что это было лето
что порвалась у неё колготка
что когда-то также в парке этом
он оставил пиво для кого-то

Здесь ничего не происходит,
И так оно, должно быть, лучше.
Ложатся дни травой под ноги,
Не поспевая за идущим.

В домах, сооружённых наспех,
Вершатся маленькие тайны.
К ладоням льнёт лениво Каспий,
И тишины на всех хватает.

А ты опять с похмелья выжил...
Запишут, хрустнув, эти пальцы,
Что солнце пьяное за вишни
Всё хочет, но не может спрятаться.

* * *

Мой Лейпциг беден. Ходит бедный Бах
По Лейпцигу в залатанной рубахе.
Не знаменит. Гоним. Несчастлив в браке.
Сшибает у туристов на табак.
В подвале грязном Гёте пьёт «Кадарку».
Заходит Фауст – сразу лезет в драку.
Вбегают санитар с кресло-каталкой,
Ремнями, как бантами на подарке,
Завязывает Гёте и увозит
В больницу на окраине. Там воздух
Настолько чист, что ночью видно звёзды.
Там добрый доктор с бородёнкой вострой –
На Мефистофеля манерою похожий –
Лезть в душу фразами, иголками – под кожу
Приходит по ночам и корчит рожи.
Там очень страшно. Тело долбит дрожью.
Все формы там сливаются в одно,
Из зеркала глядящее, пятно.

Парк имени Гайдара

когда умрёшь остаётся ещё звук имени
висеть на ниточках между стеклянных сфер
но ты никогда не знал что тебе нужно именно
ты никогда не хотел ничего сверх
того что тебе положено и глоток чая
чёрного как смола ударит в голову
посмотреть из окна как деревья ветер качают
на своих осенних руках морщинистых голых
где та девочка в синем платье из него выросла
уплыла на белом пароходе в америку и не встретимся
свой стишок про неё из газетки районной вырезать
отослать до востребования

Из неотправленного

не выходит всё мимо
только глаза неплохи на фоне
изломанной мимики
когда разговариваешь по телефону
с девушкой из Сиднея
встаёт на девушку из Копенгагена
в конце концов мастурбируешь на обеих седеешь
за этим занятием прости за пикантные
подробности возникновения этой почты
на тебя впрочем тоже пытался
вышло два раза видишь какой испорченный
здесь запятая
твоё мясо едят другие
вчера была первая осень в нашем микрорайоне
слушал весь вечер Грига
и Мариконе
потом сделал чай запятая смотрел из окна листопад
как во дворе раздеваются тополь с осиной
тоже разделся лёг спать
ничего не снилось

Случай в 7 отсеке

теперь и дни умыты ожиданием
трамвая для которого нет рельс
но есть кондуктор и его желанье
двойную цену взять за этот рейс
театр пуст не удалась голгофа
и втайне ты наверно даже рад
и так пить по утрам горячий кофе
как будто не придётся умирать
и собирать в ладонь свечей огарки
когда февраль параличом разбит
и у вселенной важная вдруг гайка
сорвётся с перекрученной резьбы
тогда поймёшь что всё свой смысл имело
хотя ты здесь как пассажир-транзит
но девочка на тротуаре чертит мелом
стрелу что тебя в сердце поразит
и день кончается невысказанным словом
не прозвучав из флейты - тростника
так быстро что не успеваешь снова
дотронуться губами до стекла

Пикник на обочине

в ирландском баре усталый сталкер
не верит в силу святых молитв
и выпивает двойную старки
и курит „Came1“ фильтр отломив
всё лучше водка чем откровенно
крапить пытаться чужие карты
и если вскрыться из вены вермут
пойдёт пугая массовку в кадре
к нему подсядет кто-то за столик
и после пятой курить сигару
а город праздник себе устроил -
сжигали книги и ведьм сжигали
он пьёт и знает что будет лето
что будут розы тюльпаны астры
что и его в мгновенье это
с холста стирает обычный ластик

Марш несогласных

а за окном в виде дождя осадки
(хватило и для колыбельной нот)
ты будешь спать так безмятежно сладко
когда приедет за тобою воронок
 заметишь что длиннее стали тени
и ощутишь в штанах своих потоп
когда противогаз тебе наденут
и перекроют воздуха поток
когда пропустят через тело двести двадцать
увидишь ангелов под потолком
хотя так просто не хотел сдаваться
но ты подпишешь этот протокол...
тебе расскажет мусор по секрету
что не стоит уж год что жить в облом...
и если вдруг предложат сигарету
пошли их на хуй. пленных не берём.

Пасхальный понедельник

Расшались спамеры не на шутку, –
В день по двадцать писем приходит...
И зима в цигейковой шубке,
Льдом сковала реки для пароходов,
Потому и не доплыть до Самары,
Потому и кровать другому расстелешь,
Потому и ты над строкой замирала,
Словно белый адмирал пред расстрелом.
Март всем телом своим продрог,
Потому и я снова спятил,
Потому и столбы вдоль дорог
Ждут приговорённых к распятию.

Рhapsодия

Ты не умеешь летать, а недавно нам всем казалось:
Оттолкнись посильней от асфальта, как это делают осенние листья,
И ты уже в небе... кто-то сумел, удалось, но он сразу разбился о скалы.
Ты не умеешь летать, а я не умею молиться.
Зато я могу держать в руке зажигалку Zippo,
Так долго держать, пока не умрёт в ней огонь.
Ещё умею сказать «налей» похмельным голосом сиплым.
Ещё умею, чтоб заработать, копать могилы и разгружать вагоны.
И дрался с великанами, представляя, что это я – Давид,
Был лицом прекрасен и в крыльях сильным.
Знаешь, на этой планете слишком велика сила притяжения и небо давит
В тысячу раз тяжелей, если нарекаешься божьим сыном.

Солнце до востребования

Правила дорожного движения для начинающих

а помнишь на исходе сентября
ты в платье полустрогом но бедовом
и штопором я открывал тебя
как 0, 75 французского бордо
шли в школу первоклассники пока
не зная слов правдивых непечатных
на них давили сверху облака
и не грехи а ранцы за плечами
на животе твоём мои следы как воск
автографом нечаянным застыли
сосед вбивал погнутый в стену гвоздь
ругаясь скверно и не очень стильно
в тот раз тебя нисколько не грузил
я ни бэгэ ни цоем ни алисой
и ошибался номером грузин
всё требуя какую-то ларису
и делая все паузы длинней
влетела муха в комнату помаркой
и наши взгляды встретились на ней
лоб в лоб как две красивых иномарки

Видео для взрослых

где я тебя любил там нынче осень
деревья стряхивают листья как грехи
и ветер птиц растерянных уносит
в страну где ждёт иакова рахиль
где я тебя любил там нынче проза
сменила мой четырёхстопный ямб
там бомж какой-то сигарету просит
вот разломил её напополам
чтоб покурить не раз а все два раза
подбив в уме неспешно дня итог;
там ворон чёрный сам в монашьей рясе
у церкви клянчит недожаренный хот дог
где я тебя любил там дворник пьяный
метёт и матерится в беломор...
где я любил не всуе, не по плану,
там ни пылинки. дворник всё подмёл.

Аттестат зрелости

у павших и проливших кровь
в глазницах расцветают маки
а при писании стихов
бывает больно и бумаге
клеймом отмечено плечо
и рюмки глаз налит печалью
закрыто на переучёт
где нас дождаться обещали
прожечь сигарой облака
пить кофе материться в блогах
мы не в претензии к богам
мы сами в чём-то были боги
и мы умеем морщить лоб
в ответ на ложь телеэкрана
и девочкам лизать взахлёб
как пёс дворовый лижет рану

Девочка на шаре

в находке в этот час уже светает
и полная таких смешных забот
там девочка с косичками святая
перед походом в школу чай свой пьёт
она правописание знает чётко
и не заходит перед сном на майл.ру в чат
она закончит четверть без четвёрок
(вот так бы ей всю жизнь всегда кончать)
она ещё мечтать не разучилась
загадывать желанья на луну
она легко запоминает числа
таблицы брадиса и прочую хуйню
она ещё полна ко всем доверья
она читает книжку «идиот»
ей стоя аплодируют деревья
когда она по улице идёт
она не знает что весь мир за то ей должен
что ей он так прекрасен вширь и вглубь
как и не знает что один художник
подсадит её скоро на иглу
но а пока она стоит на переходе
с улыбкою киношных героинь
и мир черёз неё насквозь проходит
как чистый колумбийский героин

Генератор случайных чисел

такие сны мог видеть бы господь
хотя судьба не выгнута подковой
но говорит отчаяно гороскоп
что жизнь начнётся после чашки кофе
мы подрасстрельные мы все зека
пустившие на этих нарах корни
и как на нескончаемый закат
соседи до утра смотрели порно
останется и твой здесь скромный след -
лишь на стекле ладонью припечатан
тобой пробитый в транспорте билет
как целка старшеклассницы печальной
конвейер и тебя проштамповал
в витрине прстоишь ты в эту осень
со скидкой и на ценнике слова
внизу цены - укладчица сто восемь

Солнце до востребования

в такие дни острее заметен голод
по прошлому что кончилось так рано
и осень накрывает этот город
как школьника косяк марихуаны
смотря тв опустошаешь тару
выкуриваешь за день по две пачки
сдают деревья карты тротуарам
и русский бог готов к медвежьей спячке
твой друг в сибире (был бы он поближе)...
мешая спирт отчаяно с кока-колой
он тоже что-то там наверно пишет
заимствуя у бродского глаголы
он пишет что ни власти ни короны
не хочет что вчера синиц с руки кормил
и что в углу висит старинная икона
как дверь отсюда в параллельный мир

Эффект бабочки

за окнами темно грешно и сыро
разбавлен алкоголем местный сплин
и входит неестественная сила
через макушку в сердца пластилин
а в питеере белым бело от снега
и в рамках разлинованных листа
стреляет в сашу пушкина онегин
и выбивает сто очков из ста
в крови подушки пол и вся перина
как тяжело в последний раз закрыть глаза
и не было поблизости арины
чтоб сказку перед смертью рассказать
и как очки от боли запотели
его глаза не видно больше букв
и саша покидает своё тело
как сплетни покидают петербург
он словно в материнскую утробу
положен в гроб. дантес слезу ронял...
ну вот и всё. закрыта крышка гроба
как отзвучавший свой этюд рояль

Каждый охотник желает знать...

москва слезам не верит но гламуру
возможно что и верит в эти дни
там и при свете рядовые мура
привыкли не отбрасывать тени
москва читает глянцевою прозу
и слов плакатных бывший ростовщик
на триумфальной площади из бронзы
там маяковский во весь рост молчит
там от давления небес хрустят суставы
там сверху сыплется не снег скорей зола
там понаехали и жить совсем остались
там добрый царь и злые мусора
там девушки привыкшие к аналу
по майклу джексону взаправдишно скорбят
там диктор первого российского канала
читая новости сканирует тебя
там сталинист на кухне нищ и важен
мусолит думу о величии былом
там пахнет космосом из всех замочных скважин
как только что постиранным бельём

Солнечное затмение

ноябрь снега нет и дождь не льёт
и в горле тоже не хватает влаги
соседка постирав своё бельё
его развешала как государственные флаги
её висков коснулась седина
она ни с кем и никому не верит
она давно уже разведена
она одна как пуля в револьвере
не отпечатается на моей подушке
её лица неправильный овал
и никогда ей не узнать - так будет лучше
что я её сейчас зарифмовал
и если в этом лучше разобраться
ей не узнать ни нынче ни потом
что мы давно уже лежим в могиле братской
раздавленные небом как катком

21 поправка к Конституции

ковбой стреляет метко в солнце
и сразу наступает ночь
он знает что лишь тот спасётся
кто свято верит в виски скотч
пойдём в салун там танцовщицы
взметают ноги в небеса
пойдём туда там жизнь вершится
и капли пота так блестят
на этих дамах - как брильянты
хрустит в бокалах виски лёд
официантка на пуантах
с почтением к нам подойдёт
стучит тапёр там одержимо
по клавишам под тот мотив
там билл стреляет нежно в джима
с ним мисс адель не поделив
и кажется что вечер венчан
с безумьем при мельканьи карт
и кажется что это вечно
как если бы нажать стоп кадр

Забытая мелодия для флейты

здесь правды нет как у бомжа в карманах
нет денег и не знает где украсть их
здесь правда под замком и спит на нарах
в крестах и перечёркнута крест накрест
и я пропахший насмерть перегаром
не сплю ночей и за неё расстроен:
баланду в карты правда проиграла
залётному катале из ростова
на десять дней вперёд и божьим духом
сыта не будешь сколько б ни просила
она наверное здесь спятит с голодухи
ведь с воли не дожждаться ей посылок
она не жалуется ни на что но боже правый
в один из дней точней в свой день рожденья
она умрёт как умирает только правда
в глазах её не будет осужденья
вдруг вспомнят все о ней когда её не станет
на кладбище толпа и с мыслями благими
придут священники с тяжёлыми крестами
и будут лгать на свежавырытой могиле

Апрельский марафон

безгрешен только голливуд
и по второй программе вести
что до газет - газеты врут
про то что видели нас вместе
уехать в бийск и снять отель
с окном на бийскую промзону...
я застрелиться бы хотел
из трубки телефона „sony“
глоток из кружки ледяной
ты в теме да ты носишь мини
а я напившись в круглый ноль
всё ухожу в бескрайний минус
сдано письмо к тебе в тираж
хотя сюжет давно заезжен
и потолок в который раз
обрушится лавиной снежной
в хрущёвке где твой будуар
лови метафору до кучи -
что бог когда-то с бодуна
как телефон меня отключит

Поезд

Колёса жадно выбивают ритм,
Отчётливей, чем конница монголов.
Соседка о погоде говорит
Невыразительно, застенчиво и много.
Облезлый проводник несёт стакан,
В глазах – неуважение и корысть.
За окнами – российская тоска
Умножена в уме твоём на скорость.

Игры доброй воли 2008

когда в руке война а не гвоздика
рот фронт и сжат кулак охота ёбнуть
кого-нибудь чтоб стало снова тихо...
натёрли фразы на губах и давит обувь.
дождём бомбили десять суток город
был город заарканен словно в лассо
и запечённый в тесто белый голубь
косил на этот мир кровавым глазом
читал солдатам хайку или танка
наш генерал и видели мы ясно
подснежники раздавленные танком
как на листе рукой заглаженные кляксы
в микрорайоне вдруг разбуженном пожары
пекин приветствовал из всех орудий залпом
и по нефтепроводу кровь бежала
такая наша красная на запад

АУМ

отпусти меня дурман-трава
не ходи за мной по дому тень
слышишь первоклассник оторвал
крылья бабочки в алма-ате
я бы написал июнь да вот
от меня судьба холст краски прячет
видишь на часах моих давно
три ноля и ноль ещё впридачу
я б уехал в рию на такси
если б прокатил билет трамвайный
помнишь на вокзалах городских
репродукторы про направление вдали
поезда пошли все под откос
мы же на фуршетах ждали браги
чувствуешь как лобовая кость
ноет недостреленной дворнягой
лифт считает торопливо этажи
ты всему здесь забываешь удивиться...
понимаешь что зависла эта жизнь
между да и нет системой виндоус
ты в асфальт пред главпочтамтом врос
(ясен ли твой адрес на конверте)?
знаешь что ответ на твой запрос
стоит ждать. с поправкою на ветер

Полярная экспедиция

1

учительница по латыни
говорила на своём непонятном про высокое
а я смотрел на груди её налитые
кокосовым соком
у неё тату на шее сделанное в калькутте
едва прикрытое воротничком
и после занятий декан факультета
валит её на тахту ничком
таксисты как правило дают ей чаевые
полисмены помогают донести до дома портфель
но это не особенно делает её счастливой
другое дело – портвейн
она покупает его от дома за два квартала
после бокалов трёх её плющит
она красива она немного картавит
и спит с медведем из плюша
учительница по латыни
размер платья номер сорок восемь
пахнет портвейном с полынью
в её космосе
комната четыре на пять
книги на полках и нечего брать вору
соседи давно уже спят
убитые снотворным
сверчок за окном в высокой траве
по жизни хороший советчик
она выключает тв
так словно гасит свечи

2

и он сейчас как впрочем и когда-то
готов отдать полжизни за письмо
(возможно хуже не придумать ада)...
он пьёт вразнос особенно зимой
он исчисляет время по бутылкам
а расстояние в парсеках до продмага
и затихает после первой боль в затылке
верней не боль а словно кто-то рвёт бумагу
с его стихами к ней внутри и это
жизнь делает невыразимо длинной...
и он идёт в продмаг уже за третьей
присыпан снегом словно нафталином
покажется что краски стали резче

пропитанному политурой мозгу...
и сквозь него посмотрит первый встречный
как сквозь стекло промытое тарковским

3

луна идёт по небу словно
манекенщица по подиуму
в этом мире кажется всё условно
кроме сроков за измену родине
в этом мире кажется всё постоянно
за исключением переменного тока
и запах женщины сохранённый простынями
можно потрогать
даже через год после её ухода
(память заштопана белыми нитками)
левые мысли курить неохота
посуда немыта
и принимая стаканами участь
выйдешь под дождь на балкон...
светит луна через рваные тучи
обритым лобком

Зарисовка на краю салфетки 3

игры с ритмом игры в рифму
по несказанному голод
карандашный стёртый грифель
обломился на глаголе
связь искать наощупь долго
между здесь и небесами
и опять выходит только
тройка по чистописанью
день неудался на славу
как обои день ободран
и завёрнут в белый саван
всем спасибо все свободны
ночереет. на поручках
по небесному проулку
звёзды вновь идут по кругу
словно зеки на прогулке

Улица с односторонним движением

двадцать второе полночь по гринвичу
кто бы добавил на выпивку рубль
звёзды отвёрткой в небосвод ввинчены
словно шурупы
вместе готовили шпоры по чацкому
и разглядел при опущённых шторах
что в глазах новой подруги читается
«смерть побеждённым»
как ни бросай всё равно ляжет решкой
выцветет голос изменится имя
я ведь и сам был в тебе одуревшим
варваром в риме
видишь возможность убившись снотворным
кончить как нас не учили в лито:
город расстёгнут на все светофоры
как в марте пальто

Бой с тенью или карамель в шоколаде

там где огнями плещется сеул
и девушки по прежнему желанны
в нокаут отправляет поцелуй
истёртого боями дон жуана
он здесь чтоб доказать себе что он
ещё вполне тореадор в корриде
что и к нему приходит почтальон
с рождественской мигающей открыткой
она ж забылась в плутовской игре
и из последних сил сжимала джойстик
но у неё сегодня как на грех
пасьянс четыре раза не сошёлся
ей нравилось цепляться и тонуть
цепляться за коряги и за лилии
но всё-таки она пошла ко дну
с пробойной чуть ниже ватерлинии
стянула ночь с окраины свой плед
и в школу шли подростки с ранцами
и кофе остывало на плите
как спасённый пациент в реанимации
он вышел из подъезда и по улице
он шёл пешком так как в карманах ноль
ни разу он назад не оглянулся
чтоб в столб не превратиться соляной

Зимнее солнцестояние 2

1.

рассвет вскрывает ночь
как патологоанатом скальпелем остывший труп
показываются внутренности двора:
три пластиковых мусорных контейнера,
и немного сбоку раздевшаяся ещё в октябре берёза,
которая контрабандой была переправлена
в эту страну в начале семидесятых.
кошка пересекает двор слева направо
как автограф Бреда Пита - лист бумаги.
по телевизору показывают поющих негров,
кофе горчит как первая любовь
к зрелой женщине с обложки каталога «Otto»,
самолёт штопает белыми нитками небо.

2.

время к обеду. сирена скорой помощи на заднем плане.
электронные часы отмеряют время
как в такси расстояние счётчик
(сколько с меня за проезд?)
по телевизору Сара Конор расстается с детством.
кофе кончился надо было брать большую банку.
в небе фальшивое солнце:
художнику не удаются осенние пейзажи.
сигареты позволяют не думать о еде
как порнофильмы о настоящей любви.

3.

вечер. початая бутылка коньяка.
мысли заостряются о бумагу словно нож
которым проводишь по точилу.
за окном глянцевый фотоснимок города,
довольно удачный.
по телевизору Кличко забивает гол Хасиму Рахману,
постепенно осознающему, что он сегодня не Мухаммед Али.
Санта Клаус в Гренландии запрягает оленей,
втайне переживая, что подарков на всех не хватит.
выходишь на улицу отдышаться от метафор, закуливаешь;
объектив луны ненасытным папарацци
фотографирует каждое твоё движение.

Дети капитана Гранта

до первой крови за место под солнцем
свинчатка в одной в другой зажат камень
а у ларьков спозаранку пасётся
добрый алкаш с вечными синяками
он ощущает в крови недостаток
спирта он взглядом по полкам проводит
и как шестёрка козырной десяткой
он сам давно был убит в подворотне
тело заштопал хирург в лазарете
что же с ним делать никто не подскажет
и прожигает его сигарета
воздух как холст с неудачным пейзажем
кажется поздно начать всё сначала
он понимает хотя и не должен
что он и сам нарисован случайно
с меткой в углу: неизвестный художник
он понимает до миллиграмма
что тёплых красок в пейзаже ждать глупо;
что этот холст с очень скромною рамой
никто не оценит никто не купит

Порнофильм 2

эта причёска стоила 150 евро,
снизу ещё дороже
зачем мне плюс ко всему твоя ревность
к моему прошлому
у тебя хронический голод
к седуксену с кагором
облака обложили город
как гланды горло
ты сидишь на кухне в своём кимоно
производства какой-то китайской фирмы
я хотел бы сняться с тобой в одном кино
и лучше всего в порнофильме
я любил бы тебя любить
и чтоб ты между ног моих головой засыпала...
и как снег из которого можно что-то лепить
слова меня засыпают

Следы на воде

1

открываешь холодную бутылку пива
из неё дымок как из дула револьвера после выстрела
но никто не падает
разве что цветы на могилу убитого армянина
но это 14 лет назад
когда ты копал могилы на туапсинском кладбище
мужики с опытом советовали как сделать так
чтобы выглядело глубже
потому что братва это любит
когда покойник закапан глубоко
плакальщицам тоже видать хорошо заплатили
никогда не слышал чтобы так грустно пели
тогда цепляло после первой балтики
ехал потом в электричке в шепси
смотрел на море
чья свобода тоже впрочем ограничена - береговой линией
сейчас понимаешь
что тебя в то время всегда освещало солнце
как лампы освещают пациента на операционном столе

2

зима. короткие дни
словно юбка у девушки спешащей на свидание
(это старая заготовка)
луна похожа на увеличительное стекло
сквозь которое некто наблюдает за тобой
минусовая погода биржи тоже в минусе
мысли пытаются проделать новую извилину в мозге
так тихо что от такой тишины можно оглохнуть

3

пусть будет всё наоборот:
тени на асфальте проецируют дома и деревья
строчки сначала пишутся а затем приобретают смысл
люди вначале выдумали богов
а боги уже потом их сотворили
и падающая звезда перечёркивающая напрочь ночное небо
как учительница математики перечёркивает
неправильно решённую учеником задачу
это просто быстрое движение глаз
незнакомой девушки из трамвая номер 15

Пат

я видел девушку в японском кимоно
на фоне флага островной гренады
был у неё в руке зажат лимон
как противопехотная граната
и ласточкам в семь тридцать поутру
хотелось в облаках своих резвиться
и отражались бабочки в пруду
теряя на лету свои ресницы
я выпил кофе и сложил в пакет
таблетки от мигрени и три пива
соседка в этот час доев багет
вдевала нить в иголку терпеливо
я шёл по площади, мир выгнулся дугой
(сверкали окна как брильянты от сваровски)
направленный невидимой рукой
как пешка через шахматную доску
я по мосту (деревьев бигуди)
текла внизу река как тело змея
и я не знал что там в конце пути
я буду кем-то на ладью разменян

Дорога в полночь

по осени считают не цыплят
а письма что остались без ответа
словами посторонними цеплять
за прошлое но на него здесь вето
наложено словно на рану швы
и рана посмотри-ка зарастает
и врач сказал наверное живи
и снег октябрьский на манжетах тает
а снег другой лежит везде попокорном
и не дотронуться и даже не привстать
и пуговицы вырванные с корнем
как память из уютного гнезда
и право на ошибку умножая
искать икс игрек и до кучи зет
и пинк и фloyd шизою угрожая
сыпается с максвелловских кассет
и фотография долины сонной нила
но не припомнить из чего сотворена
та тишина которая приснилась
и в космос форточка окна растворена
и полушубком прикрываясь всё овечьим
услышать веки сомкнутые сквозь
что запятая в этот текст войдёт навечно,
как вбитый в стену до головки гвоздь

Дети января

озвучь меня в немом кино
и напиши на чёрных окнах
что нет судьбы у нас иной
чем в осень под дождём промокнуть
на ось нанизана земля
как бабочка на сталь иголки
и мне по прежнему нельзя
разбить на тысячу осколков
портрет зимы в моём окне
и выбираешь либо либо
и в сотый раз горит в огне
мною ненаписанный верлибр
как ни молчи как ни крути
но не по детски вдруг накрыло -
я сердце вырву из груди
чтоб от него ты прикурила
замёршая до нёдр сама
здесь голосит свой вечный аум
распятая в окне зима
крестом оконной мёрзлой рамы

Люди и зонты

начни игру с себя я подожду
пока задышит нервная строка
пока с потёртой карты старый шут
не соберёт всех слёз своих в стакан
октябрь роняет небо на асфальт
как свой бычок на палубу матрос
я за тебя вчера голосовал
на сайте мисс продавленный матрас
я перерос всю боль за нас двоих
как в детстве метку на неровном косяке
и кончу первым как мне матрица велит
не соблюдая благонравный этикет
поэты денег с леди не берут
ни за ночь ни за день и ни за час
и неподвластное скрипящему перу
клавиатуре подчиняется сейчас
иных как-будто не было забот
на том конце сети сидишь нагая
я знаю русский бог он тоже пьёт
за тех кто в интернете без нагана
есть я есть расстояния есть ты
над этим всем висит кассиопея
и набегают строчки на листы
как волны черноморские на берег

Високосный год

я искал тебя в гугле и яндексе
отправлял открытки из чехии
по заведомо ложному адресу
со словами беспомощно честными
и от боли в висках приняв анальгин
в сотый раз не сумея соскайпиться
я ходил за вином в ночные ларьки
как индейцы в походы за скальпами
а меня всё сильнее сжимали тиски
моей памяти - словно льды - арктику
я бухал портвейн я ловил такси
чтоб уехать из этой галактики
перед тем как уснуть код страны заучив
я звонил в иудею и африку...
а потом по ошибке кто-то солнце включил
как включают рубильник на фабрике

Ни слова о главном

ноябрь пуст и я не пруст
от бехеровки прусь и прусь
умножив на пол-литра грусть
хореем я иду на русь
я научился игре в скат
и в небо шатлы запускать
своим желаньям потакать
и снег крошится с потолка
пусть не хорей а всё же ямб
и свет от трёх стоваттных ламп
клубится в этом свете смог
я никогда стихи не мог
он после пятой говорит
на бис налейте бэрримор
и как бикфордов шнур горит
травой забитый беломор

Транссибирский экспресс

позвать нотариуса пастора врача
(твоей болезни не сыскать аналога)
и им сознаться в том что сгоряча
ты перепутал век и коммуналку
верней вагон (в окошке тополя
мелькают словно руки у ди-джея)
и как же хочется упившись до ноля
сорвать стоп-кран отчаянным движеньем
соседка по плацкарту - атрибут
беседы светской и приличной даже
и как архангел гавриил в свою трубу
наш машинист в гудок гудит отважно
он знает что во всём твоя вина
что нет другой кругом на тыщу вёрст морали
что выйдешь ты из поезда в каких-то ебнях
как неудавшийся герой из плоского романа

Андрею Геласимову

Первое послание Лао-Цзы из загробного мира

всё может и не так переплестись
в процессе поиска решения простого
и постепенно проявляются листы
как фотографии в химическом растворе
слов очень много – успевай их трать
как деньги после выйгрыша в рулетку
и словно лекционная тетрадь
исписаны манжеты и салфетки
глаголы истиной локальной сочась
по новому предметы называют
диктуйте мне помедленней сейчас
не успеваю я записывать за вами
планета в космосе подвешенной висит
игрушкой ёлочной изящною и хрупкой
но где взять слово от которого весь мир
изменится словно подросток трудный
от поцелуя первого в каких
мне словарях его искать в какой же прессе
быть может его знают старики
сидящие на лавке у подъезда
оно короткое и весь формат листа
займёт едва ли как посланья канта
его наверняка знал тот солдат
который лёг под танк с ручной гранатой
с ним не убить и веры не сломать
и кроткая в заношенной косынке
его прошепчет еле слышно мать
на зону провожающая сына
и сам не веря в эту красоту
его шекспир запечатлел искусно
оно стекало кровью по кресту
пробитого компостером исуса
его не отыскать нам в букварях
как это ни печально но всё реже
его влюблённые друг другу говорят
не раскрывая уст своих безгрешных
хоть велика его первоначальная цена
что я скажу навряд ли будет новым -
оно отыщет каждого из нас
как предназначенная пуля - рядового

Чужие люди

1.

всё устаканится
я вам признателен
вы эстакадами
я партизанами
вас несут боинги
в небо хорватии
рвёт меня болями
в тазик с кровати
стены с наклейками
что ж так хреново то
в каждой молекуле
вспышка сверхновой
дни и недели
я буду поддатый
и в моём теле
распят каждый атом
в скромном отеле
писать тебе книги
но в моём теле
убиты все викинги
сокамерник добрый
и словно в бутылке
ставишь автограф
на полых бутылках
кровей голубых
разгадав этот ребус
ты ждёшь любви
как последний троллейбус
но он не придёт у них забастовки
ты так замёрзла на остановке

2.

повсюду мерещится красная куртка
красное в общем не сложно испачкать...
а у нас по утрам сосед собирает окурки
на остановке. отдал ему пачку.
каждая девушка с чёрными волосами
потенциальная ты, если брать вид сзади.
девушка милая возьмите меня в вассалы
я могу восемь раз за день.

каждая фея входящая в мою рабочую комнату
хочет выглядеть лучше чем ты но у них это не получается...
а я опять исписанный А4 комкаю
не сумев с тобою початиться.
каждая ты хочет в принципе встретиться со мной
что бы рассказать мне какой я нелепый и смешной любовник
особенно этой длинной как лыжная трасса зимой
когда к пиву не осталось ни кириешек ни воблы.
каждая ты стонала мне «никому не отдам тебя... только мой»...
и ты едешь сейчас на шроте в своё чертаново...
каждая девушка на улице заговаривающая со мной
принимает твои очертания.

3.

никчемное кино. любительский театр.
и силы нет вьехать в висок из пистолета
мы не смогли вдвоём. мы расплескали дар
по простыням и стенам прошлым летом
верней зимой. какая на хуй боль. когда болит тогда ещё не умер.
я лягу спать. я долго не проснусь.
и выдолблен зубилом ну груди твой телефонный номер
в такую падшую перед кавказом Русь.
давай запомним так: ты не писала мне
и писем ты моих не получала.
и наши тени в том отеле на стене
не нас с тобой наверно обвенчали.
давай запомним так: мир не лежал в войне
не мы его спасали суеверно...
и если кто-то спросит обо мне
скажи что не читаешь современных.
давай запомним так: что не было тоски
и сердце не украдено за неимением вора,
и если кто-то спросит: как там с ним?
скажи что лох не тема разговора.
давай запомним так: сломался мастихин
и не писать теперь картин желанных...
давай запомним так: сожги мои стихи
как некогда сожгли святую Жанну.

Обнимая плечи ангела

солнце сгорает каштаном в твоих небесах
и удлиняется тень от графина с водою
некого помнить и некого больше спасать
мантрой из бродского терпкой и полусвятою
город разрушен пылают дворец и дома
скальпы снимают со статуй хмельные ацтеки
вот догорает тюрьма и пылают тома
нищам камю и платона в библиотеке
пали ростов нижний новгород и самарканд
в то что москва устоит тоже верится слабо
и словно хит мтв на волне маяка
ветер разносит по улицам плач ярославны
ротный наш выпил чуть больше иль просто устал
герпес с отчаяньем губы его обметали
и юнкера перед боем за церковь христа
делают дырки в пальто для посмертных медалей

Три причины изменить цвет глаз

шумел коктейль небраска в голове
не знаю для чего опять напился
а ты пошла от столика в кафе
в ночную улицу как пароход от пирса
уходит в море и зелёный светофор
был маяком тебе в подлунном мире
и наш не очень трезвый разговор
завис над столиком как будто накурили
ты будешь счастлива конечно же бог мой
или несчастлива что в общем быть не может
ведь за тебя молитвы богомол
возносит к небу. быть бы мне моложе
или хотя б немного потрезвей
примерно годолитров на пятнадцать
я б за тебя как истинный тезей
порвал бы всех ментов и папарацци
небрит и пьян твоей любовью сыт
словлю такси и с внешностью аскета
в нём мне предложит девочку таксист
примерно так как предлагают сигарету
и захлебнётся новым шлягером весь мир
когда он включит счётчик свой и плеер
не надо брат я только что курил
ему ответить не попад успею

Стеклянный человек

я столько не писал что скорпионс
опять приехал в этот мрачный город
что ни навстречу мне прохожий - то шпион
что вид в витрине манекенов голых
уже не вдохновит ни на сонет
ни просто на бутылку алкоголя
что третий месяц уж как в небе солнца нет
что не вставляет ни геласимов ни гоголь
что письма не приходят мне твои
что проебала всё на свете сборная
что литр лучше пьётся на двоих
и что ни сайт открою – будет порно
что по тв в который раз ван дам
хуярит исламистов где-то в вене
что электричество ползёт по проводам
как кубик морфия по воспалённым венам
что жи и ши конечно через и
что не спастись ни от мигрени ни от лени
и что на кухне тикают часы
давно уже в обратном направлении
что снег как конфетти в окне и смерть
не в белом ходит а скорей в коричневом
что плотность боли на квадратный метр
сравнится с плотностью стоящих в электричке

Все делают это

март отсырел глювайн остыл
на путина дрочат монахи
смерть опираясь на костыль
идёт дворами грустно на хуй
телепрограмм ночной просмотр
под пропускание абсента
но написав тебе письмо
я сам себя убил об стену
глотает валидол чубайс
и ленин в мавзолее в стрессе
а мы... нам нужен только бас
в заветных песнях даэр стрейтса
ты не сыграла эту роль
и мне не взять билет в партере
и я забыл к mail.ru пароль
ну в общем каждому по вере
а март расставит всё над и
все эти точки запятые
не пересечься нам в сети
нам нас наверно запретили
как на ментов идти с клинком
как плакать слёзы гуин плену
как до шестнадцати кино
совковым глупым пионерам

Утомлённые сексом

меня кошмарит анна селяви
и воском пот по моему виску стекает
грехи мои пред нею замоли
но только умоляю не стихами
марина бред распятая ладонь
похожими на гвозди запятыми
уходит белый эскадрон за дон
и боль в затылке тихо тупо стынет
как иссыкуль в октябрь мокрый снег
летит обратно в пасмурное небо
и входит чтобы было всё ясней
назад святым ребром в адама ева
а утром же как повелось с тех пор
для жанны не жалеют дров и дыма...
и вновь троллейбус выйдет из депо
и это небо на рога поднимет

Прощённое воскресенье

менты пытаются комсомолку
всю ночь в подвале на лубянке
пихают ей в пизду соломку
и незаполненные бланки
она кричит она устала
как после покера колода
и ей немного уж осталось
дышать тюремным кислородом
она в предсмертном монологе
себя на истину растратит
ведь ты шекспир не прав немного
весь мир тюрьма а не театр
ещё живую закопают
её в для этих целей месте
под вышкою и тополями
и спишут по расходной смете
и тополь сильными корнями
души тунику примет спрячет
как принимает на экране
сигналы телепередатчик
она с ним станет одной плотью
как в конус вписанный цилиндр
он никогда не будет против
её сознания в сердцевине
и как-то очень удивится
сержант в штанах с ремнём на вырост
открыв окно как панель виндоус
какой красивый тополь вырос

Сорванный подсолнух

я ищу тебя в списках погибших в метро
ты лежишь с номерком на руке в углу морга
и в округе на тысячи метров мертво
не гудят провода сквозняки и те смолкли
ну а богу гражданство не дали он здесь не живёт
тщетно ждёт от овира ответа
а я вместо ладони тебе на живот
положу розу чёрного цвета
а я вместо молитвы LM закурю
стиснув пальцы до хруста и скулы
бог иль может аллах продающий урюк
скоро он меня тоже докурит
и мы встретимся снова (я боюсь опоздать)
там куда не доходит резня из содома
где никто не взрывает твои поезда
к моему одинокому дому
мы заварим гринфилд ты захочешь сказать
что теперь наконец отоспишься
и ты будешь в моих отражаться глазах
словно сфотал тебя с фотовспышкой
а под вечер аллах или бог притушив
солнце что как созревшая слива
он как простынь развесит и будет сушить
небо после весеннего ливня

Письмо Ли или азбука «Домашнего терроризма».

я знаю шесть способов самоубийства я выбираю
таблетки наркотики бритва наган верёвка высотка
и это в последний раз больно мне будет и вверх по спирали
не плачь над некрологом на сетевой не звони мне на сотку
ах что ты подруга в последний лишь раз немножечко боли
я вытерплю это как соло на коду с улыбкой джоконды
на западном фронте холодной войны я сдался без боя
меня проведут по площади красной пленной колонной
знамёна мои сожгут под мелодию группы уелло облив их бензином
и дым растревожит твою роговицу но ты не заплачешь ведь правда
как бабочку острой иглой меня накладною ресницей пронзило
как жаль что всего один раз я пил пиво чешское в праже
как жаль что всего один раз я к тебе прикоснулся
над крышей зависла луна обесцененной гривной
как шторами окна завешено небо изысканной грустью
простите за всё моя Ли... нелюбимый ваш гринвальд.

Места компактного проживания аусзидлеров

тема закрыта ключ выброшен в реку
губы потрескались в кровь от разборок
разума с сердцем и белошвейка
не для тебя отогнула в заборе
гвоздь что держал её век недотрогой
это всё старые песни о главном
типа зима беспричинно и долго
типа что мы не сыграв проиграли
город промок как салфетка и дети
на хуй пошлют той войны ветерана
кто-то кричит «в рот ебать и карету
дайте сюда». поклянись на коране
что ты забудешь её послезавтра
что и она не придёт не позволит
что моросит и нетронутый завтрак
что сталкер идёт во всём белом по зоне
и про мозоли от поцелуев
и про кровит не срастается сука
вспыхнуло сердце как целлулоид
проткнуто оно контрабандным трезубцем
что расчитайся ровняйся и вольно
что через пару смертей перестанет
что птицы на линиях высоковольтных
как ноты для рондо на нотном стане

Мантра дождя

умирай моя боль умирай
умирай одиноко жестоко
и бумагу собою марай
как помадой марались щёки
начинай моя боль начинай
снимать с сердца осенью стружку
и гаши о запастье чинарь
чтоб болело сильнее но снаружи
научи моя боль научи
как подняться сегодня со стула
замолчи моя боль замолчи
как горнист налетевший на пулю
берегись моя боль берегись
чтобы больше она не приснилась
перегнись моя боль перегнись
на мосту мийо через перила
торопи моя боль торопи
дни недели и годы расплаты
дотерпи моя боль дотерпи
до ночного ларька автострады

Расписание трамваев на субботу

зацени как я могу и верить и просить
и бояться мусоров собак блядей
не сказать тебе вне рифмы слов простых
не найти национальную идею
третий день шлифует крыши дождь
встретились и не про то поговорили
ты по взлётной полосе уйдёшь
зонт расправив словно боинг крылья
мэри поппис не играет в казино
и любви не ищет в русском чате
и метафорой распят казнён
текст и вместе с текстом мой читатель
облака решили плыть на west
а над ними ангелам-клиентам
бродский продаёт стихи на вес
как б/у одежду в секунд хенде
а кутузов спичку раздобыл
и зажёт в шестой своей палате
и москва горит без всяких бы
как роман о понтии пилате

Счистить кровь с рукава

как-будто за что и оно так всегда
на вены не хватит ножей
и пьяный зрачок выжигает звезда
признайся не больно уже
наколка на пальце сюжет воровской
и нам не упёрлося в хуй
и поезд курьерский идёт на восток
прошив как иглой – тайгу
ах память уйди не еби мне мозги -
она не в тебя влюблена
на сто километров осенней тайги
ушло две бутылки вина
как-будто тебе пробили ладонь
гвоздями вселенских обид
и ленин над этим такой молодой
и эмином всех победит

Смс 16:06.

Я вбивал слова как гвозди,
В твоё сердце и ладони...
Дождём выхлестанный воздух.
В грудной клетке солнце стонет.
Но распята запятыми,
Ты не ближе ни на йоту...
В небе небо запретили. -
Обработать рану йодом.

Граффити

где улицы светом залиты
где ленин и ныне живой
мажорная девочка лида
на старом арбате живёт

и выбрав давно образ жизни
послав на три буквы тоску
она на своём ламборджини
летит сквозь ночную москву

давыдова за день полпачки
поклонников не сосчитать
она никогда – да – не плачет
и платит всегда по счетам

ей нравятся эмо и готы
майорка египет и нил
и был бы я пушкин иль гёте
я стиш бы о ней сочинил

а в доме напротив макдональдс
где перед отправкою в часть
алёша на кухне готовил
бигмаки за три бакса в час

и можно сказать без поллитра
что выдумал этот кретин -
мажорная девочка лида
в его поселилась груди

ах бедный бигмачный мой диллер
любви безответной сапёр
ведь лида порою сюда заходила
не видя алёшу в упор

и вот уже осень и сборы
и поезд в свою военчасть
и мама стоит у забора
стараясь не плакать сейчас

главкомы не думая сложно
не зная за это вины
в чечню отправляли алёшу
хотя там и нету войны

вёл честно со смертью корриду
алёша
но лёжа в кровати посла
мажорная девочка лида
от пули его не спасла

и зная что больше не властны
над ним командиры полка
он боли своей улыбался
он в рану свой палец макал

и словно какое открытие
с улыбкою в четверть лица
мажорная девочка лида
он кровью на скалах писал

Париж для бедных

и вот оно по прежнему саднит
не вымолить пощады мне у бога
отформатируй моё сердце сисадмин
отформатируй чтоб не ныло на погоду
я не смотрел весною аватар
и по хую чемпионат футбола
я списан с палубы я не держу удар
как будто я сюда пришёл для боли
и я могу легко теперь признать
что каждый день меня убив хоронят
как будто в добрых книгах не про нас
написано красивым шрифтом таймс нью роман
и я не знаю что саднит - любовь ли страсть
скажи как будто мы с тобой одни на льдине
зачем так много солнца каждый раз
отражено металлом гильотины
здесь всё дожди иной раз из свинца
и по борделям девочки распяты
скажи не пряча под улыбкою лица
скажи зачем я выжил в сорок пятом
меня рисует кто-то много лет
но я хочу с его холста стереться
и штопает инверсионный след
озоновые дыры в моём сердце

День сурка

родится в венгрии плевать с моста в дунай
не оборачивать лица на голубых
ебать венгерских спившихся данай
и леонардо коэна любить

не верить ни газетам ни тв
а верить проститутке на углу
прикалываться только по траве
ведь травы не в пример тв не лгут

родиться в венгрии. купить в кредит такси
купить кальян и риджбека купить
не знать российской с гонором тоски
на домик в пеште двадцать лет копить

родиться в венгрии себе на перекося
и не марать чернилами листы
съесть на ужин вместо водки абрикос
и не узнать что есть на свете ты

родиться в венгрии и если от тебя
придет письмо вернув предметам резкость
тебе ответить но себя не торопя
так где-то через год и на венгерском

родится в венгрии и наблюдать распад
любви империи республики столицы
родиться в венгрии и всё забыть заспать
и ни тебе и ни себе не сниться

Вести из Азии

кто не боится, тот и спасён...
искренне светит в окошко солнце.
как ни раскладывай этот пасьянс,
всё равно не сойдётся.
город и лето, полдень, жара,
торгуют на улицах вишней...
только опять и в который уж раз
дама червей вышла лишней.
ты сам себе и палач и суд линча,
печаль так сладка что приторна...
скачано из стратосферы мной лично -
распечатать на принтере.

Так может каждый

и снится что ты пишешь мне письмо
теряя к точке по пути все запятые
но отправляя забываешь адрес мой
но всё равно письмо твоё по стилю
навряд ли отличится от картин
такого сдержанного на цвета моранди
ты объявила своей вере карантин
и подписала кровью меморандум
на всё про всё в ук своя статья
но поебать... и жить уже не страшно
и я устрою и господь пусть мне судья
расизм в борделе на борнайше штрассе
но я ведь тоже на стакан всё разменял
и снова сон из плюмбума что вылит
что пуля словит где-нибудь меня
в районе горла и пройдёт навывлет
и все стихи тогда войдут в разряд святынь
замрёт вселенная на предпоследнем вздохе
и солнце будет бешено светить
и кровь на берегу песчаном сохнуть

Поэма о скайпе.

1.

когда затупятся все лезвия жиллетт
в наборе что ты мне не подарила
когда придётся лишь о том жалеть
что в пиве недостаточно тротила
чтоб подорваться типа здесь джихад
объявлен параллельным антимиром
и ногти плющат молотком бойцы чк...
когда ты и другие все миры затмила
когда бог существует чтоб карать
за выбор совершенной рокировки
и медсестра на мне разрежет маскхалат
чтоб нанести на грудь татуировку:
«свобода – это мужество». пусть так
но жизнь как средство для любви здесь устарела
и в хламе будней не сыскать нательного креста
и тишина как после артобстрела

2.

и я, минусовой проект, издательства оги
имея почерк не в формате рынка
не вписываясь словно в поворот уже в свои долги
размениваю память на чернила
куда бурлит как растворимый аспирин
и крошит мальчик уткам русское печенье
да, шпрея всё ещё течёт через берлин
но отраженья наши в ней давно унесены теченьем
под липами встречаются опять
влюблённые на целый выдох брахмы
и есть напиток с кем и на кого запасть
и недосказанностью и асфальтом мокрым пахнет
давно уж сломан проржавевший болт
когда держалось всё на вере и на страхе
и ветер в грудь шпандау резко бьёт
и русский флаг колышет над рейхстагом

3.

а если время отмотать назад
ты станешь и возможно что и ближе
и падала с твоих ресниц слеза
как доллар на торгах восточной биржи

4.

мир нельзя разделить на двоих
без остатка. ты этому рада?

и стираются губы твои
о бесцветную эту помаду
перережь провода обесточь
моё тело ведь тело - вторично
я прошёл сквозь бессонную ночь
словно через тоннель электричка

5.

что она (этот лист лучше смять)
что она подуставши изрядно
как шарапова теннисный мяч
отбивает бестактные взгляды
и забывший про жизнь и про смерть
как о правилах матча плеймейкер -
я хочу на неё посмотреть -
поднимите мне веки

Условия обязательного страхования

дежурные по смыслу смс
а где-то чья-то мама моет раму
день тянется – тоски и эйфории смесь
и мне тебя невыносимо мало
мне мало когда трубку ты берёшь
и мы молчим с тобой про всё на свете
как будто на молчание есть спрос
рекламой узаконенный в газете
нам чуть мешает дальний звук сирен
увидеть сердце бога на подносе
из трубки у меня растёт сирень
когда в неё ты что-то произносишь
тоска тоску тоской не утолишь
где мне тебя невыносимо мало
покажет на асфальте контур лишь
что мама здесь когда-то мыла раму

Два часа из жизни ангела

вначале я всё ждал твоё письмо
сквозь эти километры дни парсеки
и к ящику почтовому босой
ходил по снегу
вначале думал ты всё ищешь что сказать
что ты вот так всё сгоряча решила
а снег мои выкалывал глаза
своею белизной как шилом
я думал сбилось времени реле
и в ноутбуке сбились все настройки
а снег лежал как пышный крем брюле
на новостройках
я думал солнце сердцем отогрев
что новой болью небо залатаю
а снег лежал всё лето на траве
не таял
я думал прочитать ещё на бис
выдерживая паузы без мата
а снег как соль крошил себя с небес
и плотно падал на мои стигматы
не протрезвев в реанимации крушил
приборы капельницы мониторы
а за окном всё этот снег кружил
следов к тебе не будет на котором

Наказаны по необходимости

день беззамирочен и кошка кружева
плетёт по паутине томным взглядом
цунами всё японию крушат
под голос сверху – автор, выпей яду
чужие здесь не ходят а свои
не знают что почём зачем и где я
и мне сиреневые буквы говорит
нераспустившаяся нынче орхидея
отточены как бритва и горьки
движенья спившегося в зиму аполлона
и буквы висают как гудки
разбитого по пьянке телефона
в похмелье помогает аспирин
как уксус для прибитого гашишем
и чернь кричит распни его распни
и тая плачет и напрасно пишет
письмо онегину который раз подряд
всё не про то и вовсе не про это
камин горит и куклы тихо спят
и в дымоходе застревает эхо
привычное к такому бездорожью
и чья-то тень на снег серьёзно сплюнет
и вдруг ладонью саша осторожно
прикроет словно бабочку ту пулю

Смотрящая в телескоп

без телескопа нам не жить
скажи что так скажи скажи
пусть ненаточены ножи
мои ножи твои пажи
звонят тебе уже с утра
и ты мечтаешь вслух удрать
в мою широкую кровать
и солнце новое сковать
моя взбесившаяся скво
и по твоим щекам пусть воск
и я проткну тебя насквозь
как иисуса ржавый гвоздь
ножи пажи здесь я там ты
всё метод тыка. темноты
не хватит нам и немоты
и переходим на латынь
и я скажу тебе ножи
ты скажешь наконец ожил
и на моём сто тысяч жил
и мы пойдём за гаражи
и будет свет не будет лжи
смотри смотри же в телескоп
я залижу и боль и скорбь
расскажет радио просковьи
как мы стреляем из окопов

Распяты́е на треть

под одним небом как под одним одеялом
я с тобой и в истерике мой наркодиллер
ты меня по следам на воде угадала
по автографу на камне определила
ты устала о господи как ты устала
ты работала десять лет в забое
ты на тень на свою похожей стала
ты сдавалась мне в плен три ночи без боя
я тебя заласкаю зацелую занежу
залижу как почтовую марку на лоб наклею
мы с тобой оторвёмся от земли и от слезки
поломаётся мой диван из икеи
я тебе свою руку и сердце в довесок
что ещё полагается в этом случае
это старые фильмы по новой версии
в волосах твоих запутались солнца лучики
мои губы пройдут по тебе пешим шагом
как солдат от рязани и до берлина
и рейхстаг падёт как король из шахмат
пролетит мимо фея как балерина
я тебя на руках понесу по жизни
мимо стрелочника что флажками машет
бог посмотрит на нас и побожится
что не будет ревнивым к любви он нашей
целоваться с тобой до большого взрыва
а потом всё сначала и снова найти друг друга
чтоб ты снова вплела на краю обрыва
как лиана в скалу в мой торс свою руку

В ожидании рикши или ты и я

хочу перрон хочу вокзал
чтоб в бубенцы звонили гномы
и чтоб двух слов я не связал
когда ты выйдешь из вагона
хочу такси (летит стрелой
по улицам, везде зелёный)
и губы пахнут пастилой
немного от слезы солёной
не губы а рахат-лукум
сплошной. сиамами прижались
ладонь приложит к козырьку
сержант нас взглядом провожая
хочу перрон хочу вокзал
чтоб умерли но не погасли
чтоб я тебя в тот вечер взял
как свечку беккера агасси

Песня

написать тебе песню самую самую самую
чтобы звёзды на небе без дыхания замерли
чтобы платье спало само как недоразумение
чтоб слепые воскресли и мёртвые вдруг прозрели
написать тебе песню про нас с тобою
чтоб архангел амстронг её ввинтил трубою
в это небо и чтоб это небо от стыда зарделось
когда ты до самого до святого разделась
написать тебе песню на клавиатуре
в ней сказать как классно что пролетели мимо все пули
самому войти пулей в твою рваную рану
чтоб она расцвела на всю простынь экрана
написать тебе песню губами руками взглядами
разложить тебя на диване до последнего атома
самому стать атомом демокрит говорил про который
чтоб столкнуться с тобой на одной траектории
написать тебе песню самую самую самую
и прочесть проорать тебе данную графоманию
как кричал солдат ура перекрикивая канонаду
из последних сил кидая под танк гранату
написать тебе песню на день рождения
чтобы с ней вместе в небо а здесь чтоб остались тени
написать тебе песню которая станет эпохи логом
написать тебе песню про любовь не сказав в ней ни слова
на школьной доске на асфальте написать тебе песню мелом
рассказать всей стране как сосала ты в первый раз неумело
и про то как ты пела сама мне на плечи ноги повесив
написать нацарапать ногтём на спине тебе песню
написать тебе песню.....

Космос на двоих

такая девочка в себе куда бы деться
ты в красном платье навсегда и дышишь ровно
а я сгоняю в магазин по молодецки
за рифмой к слову вазелин и бехеровкой
я так люблю смотреть когда ты смотришь
как снова падаю в тебя чтобы разбиться
и вещью стать в границах натюрморта
с блестящей грацией самоубийцы
лежать терпеть стонать кусать приказ вам ясен
и как всегда в фужере будут пусть окурки
алкающий тебя я так опасен
как бритва в руках трезвого хирурга
не успеваем в этот день никак одеться
вопрос с одеждой в этот день так не решаем
а на окраине жида пьют кровь младенцев
и ждут когда советский танк войдет в варшаву

Счистить кровь с рукава

всё ничего. белеет где-то парус
глотаю ветер лёгкими взхлёб
а я над рифмой к слову «ты» всё парюсь
подставив под прицел сомнений лоб
боясь на выстрел оказаться в праве
ржавеет спрятанный в стиралку мой наган
такая жизнь и нечего прибавить
ни к ней ни к нам
мы выдержим без нас. мы не из слабых
до даты о которой я забыл...
я в этом доме всё ищу твой запах
на всех предметах быта тчк местами пыль.

Октябрь.

1

Осень. Октябрь.
За журавлями
Цыганский табор,
Травы ровня
С чертой горизонта,
Старой колодой,
Сквозь дыры озона
В небо уходит.

2

Время буксует -
Здесь в бездорожье-
Колёса впустую
Вращает. Без дрожи
В голосе, теле,
Как рыбу – вода,
Морщинась, седея,
Считаешь года.

3

Сонная осень.
Вращается тише,
Проколота осью,
Планета и дышит
В тёмном пространстве,
Лишённая веры
В смысл этих странствий,
Своей атмосферой.

4

О вечности, данной
Тебе на поруки
В качестве дани
От жизни – подруги
Сердцебиенья,
Сколько не пишешь,
Слов русских пленник,
Небо не ближе.

5

Кончилась зелень.
Солнце бесплатно
Сыплет на землю
Чёрные пятна.
И, утонувши,
В твоём же зрачке
Мрёт от удушья
Плотвою в сачке.

6

Ветер качает
Тени деревьев,
По полю скучая,
Хлопает дверью.
Скрип старых ставень,
А в отдоленьи
Дождь расставляет
Свои ударенья.

7

Холодно пальцам,
Застыли на фоне
Скатерти. Пялься
Подобно вороне,
В зеркало лужи,
Насыщенной резко
Страстью улучшить
Немую окрестность.

8

Некуда... Только
В продмаг за бутылкой,
Горькой настолько,
Что в памяти – дырки
От каждой стопки,
Как в стёртой подошве,
Ей же истоптан,
Поневоле пойдёшь.

9

В воздухе – осень.
В осени – свежесть.
Времени – поздно.
Окна – завешаны,
Ткань - лоскутами,
Цельность нарушена,
Не пропускает
Свет твой наружу.

10

Жизнь или вечер
Тихо проходит,
Роняя дар речи
На подоконник.
Нужно, не нужно,
Умоет слезами,
И, оглянувшись,
Вдали исчезает.

11

Песню запеть бы,
До самого края
Выразив степень
Тоски – не играет
Муза на лире,
Красивая, голая,-
Ей ночь наступила
Ногою на горло.

12

Ночь. Одиночество.
Риск заблудиться
В поле во чистом
Белой страницы,
Пересекая
Ту степь или поле
До края степи,
До степени боли.

13

К утру позимело:
Словно в опалу
Снегом на землю
Небо упало.
Мнём его, душим,
Не без мотива –
За равнодушие
К нашим молитвам.

14

Утро. Крестьянин,
Не торжествуя,
Топчет, костями
Одну часть шестую
Этой планеты
Покрытую, точно
Ад свои нёдра
Открыл. Многоточье...

15

Неистребима
В рамках границы
И по периметру
С нею роднится,
Выражусь проще-
Обыкновенная
Гордость за площадь
Страны в наших венах.

16

В сознании – тяжесть.
Мысли – бескрылы,
Чуть оторвавшись,
Падают гирями,
Долбят, что дятел
Дерево – темя,
Стынут в тетради
Чернилами; дремлют.

17

Тянется жилой
Тонкой, скрипичной,
Жалость? - Нет, шире,
Ещё беспричинней:
Вера то наша,
Где-то там, в прошлом,
Где – ты не знаешь,
Зачем – ты не помнишь.

18

Век, подлежащий
Скорой замене,
На хаос батрачит.
Время сомнений.
Боги распяты
В борделе на койках.
Время распада
Душ на осколки.

19

Голос – простужен,
Глаза – обмелели.
Спит равнодушно
Россия с похмелья.
Ей не заметить
К надрезанной вене
Ангела смерти
Прикосновенье.

20

Осень. Октябрь.
Ветер разносит
Звуки октавы
Оптом и в розницу.
Взгляд отражается
От горизонта,
Там, как и раньше –
Запретная зона.

Плюс минус были

ты останешься такой как на видео
в черном, мной заношенном свитере,
посчитав по поцелуям в доме пролёты...
с болью в сердце от таких перелётов...
ты останешься такой как в романе
ненаписанном пока но экраны,
в каждом доме где живут люди,
его ждут подёрнувшись снегом
зависают слова в телефоне
но весь мир к тебе станет фоном
и останешься от запястий до пяток
мною по-модному губами распятой
ты останешься такой как на фото
я тебя положу на ноты
и с гитарой своей в подворотне
я включу в себе паваротти

Выстрел через левое плечо или история вечной любви албанского хакера

1.

а мы друг для друга письма
звонки смски чаты
и кот починяющий примус
смотреть на нас тоже счастлив

любить и взрываться по-русски
и ростом почти что вровень
и встретившись взгляды споткнутся
ведь мы с тобой одной крови

ведь мы паспорта получали
в одном РОВД за железкой
и в этом не меньше печали
чем тихий расстрел Чаушеску

сидит на стихах полмира
а мы их ворует в астрале...
смотри на меня Багира –
Каа начинает свой танец

2.

она пила из этой чашки
четыре в день и даже чаще
и руки твёрдым мылом мыла
а я ей слал стихи на мыло

а я хотел намного больше
чем секс в подъезде или в польше
и чтобы полностью увязла
она во мне как роза в вазе

а я слагал стихи и песни
когда соседи шли по лестнице
и от неё чтоб больше спама
ведь я наивный и упрямый

она уедет да уедет
и медным тазом наши дети
и медным тазом эти звёзды
и весь озон бордо и воздух

останусь как и был поэтом
когда её запустят в небо
и поплетусь в немом восторге
из шонефельда автостопом

3.

день обитания вторник
мысли под лампой зависли
от поцелуя торкнет
словно от сенсимильи

мы граждане рок-н-ролла
берём у любовниц займы
порой перепутав роли
не с той не вернёмся войны

а ты разрисована хною
и бубенцы на лодыжке
а я всё страдаю хуйнёю
но мы этот воздух дышим

пейзаж нарисован одобрен
где мы с тобой дети индиго
до миллиметра подробно
целуемся стыдно и дико

а мы этот воздух правим
как правит хирург своей бритвой
бойца по боям без правил
поцелуем как пулей пробитого

и чтобы к чужим и не тянет
и не забывать о филфаке
и что где-то в сером тумане
плывёт зажигалка как факел

Не искусства для или пепел

я опять стал курить в комнате
раз всё простынёю грязной скомкано
раз опять всё состоит из многоточий
раз опять сердце иконою мироточит
я хожу по квартире ищу причину
того что теперь навряд ли починишь
я распят как повстанцами каддафи
я опять от среды до среды под кайфом
восемнадцатый день без тебя – нахуя ж
придумали числа -
я по ним расстоянья считать научился
в пачке винстон чёртик наигрывает бемоли -
лучше жить без любви лучше жить без боли
ёбнув литр вина как сократ цикуты
я казню сигаретами часы и секунды
и включив что лежало сверху (это был
сержант пеппер)
я и сам сгораю остаётся лишь пепел

О девочках

а девочки любят книжки
а девочки любят сосать
потом в сигареты впиваться
своими больными губами

а девочки любят нежно
ступнями своими босыми
тебе по щеке проводить
и я хую от этого

а девочки любят порваться
хотя немного и страшно
куда делась рифма, скажи
и на хуя здесь запятая

а девочки любят волшебно
и я поцелуем ушиблен
смотри это типа рифма
но я её не хотел

а я хотел целоваться
со скрипкой и чтобы она
скрипела скрипела скрипела
ну ты меня понимаешь

а я лишь хотел одну
и чтоб вместе ко дну
вот это уж точно рифма
ну ты меня понимаешь

Прощание славянки

а меня хочет выебать марта
и непременно восьмого марта
она хочет этого хочет
и потом на лицо мне кончить

она так и сказала по телефону ночью
что уже давно на меня дробит
что купила искусственный хуй 22 см
что без меня она съедет с катушек совсем

а я ведь люблю другую люблю другую
и только её загибаю в дугу я
и хотя мне почти сорок почти старик
но у меня на неё так стоит

а марте неймётся марта звонит и плачет
говорит ты где мой любимый мальчик
да какой я мальчик пошла ты на хуй
но она этого только и хочет однако

она хочет на нём скакать а потом плакать
и я вижу её уже везде на всех плакатах
как она поливает его слезами
как он в её зрачке стоячий замер

ну марта ну нахуя же нахуя же
ну найди себе турка он тебя накажет
ведь ты этого хочешь ведь тебе неймётся
побрей её а турок найдётся

ты вот только выйдешь с побритой на остановку
весь квартал и мир прочухает эту обновку
а я не твой марта марта марта
я умру сто пудов к восьмому марта

потому что так нагадала цыганка
что я в 41 ом попаду под танки
приняв перед атакой 200 грамм водки
с голым хуем наперевес как с винтовкой

Письмо на краю лета

мне 20 лет влюблён в Замиру
хотя её ещё не знаю
но за неё готов пол Рима
строкой распять в журнале «Знамя»
она же прыгает в резинки
в Баку а может в Кисловодске
а я катаюсь на дрезине
в продмаг за водкой
я знаю что она не знает
асфальт расчерчивая мелом
что будет через двадцать с нами
не лет а жизнью неумелых
она за лето загорела
а я пишу в своей тетрадке
втирая в пепел сигарету
не те слова. не в том порядке

Семнадцать мгновений весны 2

мы встретимся в париже в марте
как два разведчика арийца
и я не буду больше матом
писать стихи и материться
я буду непременно штирлиц
а ты та русская радистка
а лучше гейша лучше жрица
и высекают губы искры
за нами хвост состроит мюллер
а может холмс а может ватсон
как жаль что шлаг немножко умер
он бы помог нам оторваться
мы будем уходить дворами
целуясь на ходу так винно
я буду ненасытен вами
в подъездах скверах барах винных
ты вспомнишь подо мной все гаммы
и будешь разметая косы
ты отсылать радиogramмы
в открытый на все двери космос

Где рождаются сны или пункт приёма стеклотары

и я не более чем сосуд для водки
который вмещает в себя пол-литра
по математике в средней школе двойка
была плюс минус отсутствие чувства ритма
чтобы к примеру стучать на ударных
и никак не давалась гитара
чтобы в рубаше нарядной
с ней ходить по кварталу
вместо меня ходил Серый
пел из Цоя
про то что не нужно носить серое
и маршировать строем
он мне дал почитать Довлатова
и что-то ещё про Кришну
а сам повесился в 99
я так и не вернул ему эти книжки
помню последний наш разговор
он сетовал что не может найти струны Savarez
дышал беломором смотрел из окна во двор
и чефир по правильному заваривал
Серый Серый теперь ты вместе с Цоем
в раю зажигаешь про стакан портвейна
а здесь молодёжь под Блестящих танцует
и кислота вибрирует в их венах
рок-н-ролл попсою унижен
и теперь никто не ходит с гитарой по кварталу
Серый Серый скажи куда выслать струны и книжки
ведь тебе их так не хватает
ну а Бог восседая на троне своём капучино
всё пьёт например
и не слышит как ты в его ухо кричишь
перемен мы ждём перемен

Шанхай

над кварталом дыры озона
так, словно прокурено платье
там с детства готовятся к зоне
как Езус когда-то к распятью

там выпив никак не прознаешь
где утром найдут твоё тело
там верят в себя и в себя лишь
там если пришьют то за дело

там пёс во дворе похоронен
которого сбила машина
там рано под липовой кроной
ты станешь серьёзным мужчиной

там всех развели обманули
там гамлет застрял в монологе
там спьяну в далёком кабуле
сосед потерял свою ногу

там выступят трупные пятна
у школьниц вчерашних на лицах
и что там горит непонятно
стихи или листья

Выходящая из душа

1. говори никогда говори
не побрился в последний раз
не сносить в сентябре головы
и цыганка в крижах постаралась
а всего-то хотел по утрам
прикасаюсь к тебе нелепо
а затем в шереметьево твой портал
вот вам яблоко вот вам небо
и стучу как в землянке радист
я по клавишам с видом глупым
ты склоняешь: ich bin und du bist
и помадой рисуешь губы

2. и мой старый проверенный шрам
привлекательности не утратил
вот вам Будда нервной рукой вот ашрам
вот вам вечер распятый в тетради
потяни размотай эту нить
ты кричишь и рискуешь охрипнуть
позади блять москва. не свинтить.
вот вам девочка. вот вам скрипка

3. бессюжетно. плачевно. никак.
и Pink Floyd снова что-то про стену
и всё падает с неба Икар
и в мой угол на ринг полотенце.
а на даче не шло и не пил
и не мог расколоть полено
может этой строкой зацепил...
вот вам мальчик. вот вам поэма.

4. города города города
выжимаю в стакан сок лимона
я тебя по следам угадал
на скале что свисает над морем
ты прочти ты прочти ты прочти
пряча руки от холода в свитер
можешь даже не всё но почти
ты прочти этот маленький свиток
по условиям этой игры
помню всё но не то что бы точно
вот вам пиво. вот взял и открыл
вот вам точка. наверное точка

Презумпция виновности

выходные ещё не прошли
и портвейн в стакане дешёв
ты любовью по венам прошил
двойным швом двойным швом
двойным швом

не нашлось на такси полёт прерван
не начавшись на улицах пробки
на дуэли ты выстрелишь первым
в воздух звонко шампанского пробкой

расскажи про меня невпопад
не сбиваясь на рифму в сюжете
снова снайпер в меня не попал
воздух сделан из ритма и жести

половину европы пройдя
сохранив на свой стик запах улиц
я всё падаю мимо тебя
сбитый с ног цольпидемом как пулей

Жизнь без наркоза

синоптики не знают ничего
поэтому я без зонта под ливнем
с заросшею колючками щекой
и спичками что под дождём погибли
я прикурю от первого столба,
в автобусе который едет в Кремль
в нём девочка откинет прядь со лба
и сделает с меня рекламу Camel
её сфотографирует сосед
по поручню, и этим днём промозглым
не в теме эта девочка совсем
что мне другая Девочка за Космос
что под неё заточен гороскоп
что я спастись нисколько не пытался
что руки под неё сваял Господь
что я в неё упал и не поднялся

Фотографический снимок слегка

из чк пришли люди в сером
гроб сваять за три рубля попросили
да и как не попросить если
под расстрельную статью пол россии
из чк пришли люди в красном
попросили написать с них портреты
только нет у нас уже такой краски
чтобы кровь лилась в стиле ретро
из чк пришли люди в жёлтом
обещали погасить солнце
ты не стал внимать им ушёл ты
перепулав в прихожей сланцы
из чк пришли люди в синем
матерились громко видно от скуки
ну и ладно ну и хуй с ними
у тебя на антресолях базука
из чк пришли люди в чёрном
и спросили где хранишь плюмбум
ты ответил им ты жизнью учёный
так ответил что потом зубы сплюнул
из чк пришли люди в зелёном
попросили написать на соседа
ты сказал что ты не местный залётный
и прибавил чтоб вся власть пусть Советам
из чк пришли люди в белом
говорили красивые фразы
и читали наизусть Беллу
до утра и не сбились ни разу

Поэма о 6 октября 2012 года

З.С.

1. когда ты мне не скажешь «никогда»
когда и я раздетый ниоткуда
когда в бокале превзойдёт агдам
блаженного христа или иуду
тогда молчи и слушай и спеши
скорей вдохнуть и выдохнуть остатки
что там осталось? рифмы падежи
и снег и дождь и разные осадки
по форме вдруг напомнившие нам
о нас самих по щиколотку в стиксе
и падает на плечи тишина
как меч архангела или слеза матисса
тогда молчи о разность запятых
как будто нам никто дверь не откроет
молчи и слушай навсегда. впритык.
до первых петухов. до первой крови

2. потом вдруг дождь. или случимся мы
что тоже в общем и не так уж плохо
не ожидая гонораров чаевых
от этой непроверенной эпохи
на вирусы. и я учусь дышать
тебя. прикуривать об фонари
и снова сыпаться душой с карандаша
и «с днём рожденья» всуе говорить

3. разуйся всяк входящий в душу мне
иешуа молчит опять с иконы
ведь на иконах запрещается шуметь
а в питере такие злые кони
на аничковом каменном мосту
у них копыта злые злые морды
они несут я знаю в пустоту
тех кто на них хотя бы раз посмотрит

4. в берлине снег идёт не навсегда
а мы с тобой попали в зону риска
и учимся на скалах высекать
граффити и другие божьи искры
вокзал везде весь мир один вокзал
в твоих глазах большое оспой солнце
и бьют куранты в спешке у виска
и скорый поезд медленно несётся

5. и не на что судьбу свою менять
и медленно в глазах моих светает
асоль дожждётся писем от меня
а соль и вправду раны разъедает
итака одиссея остров крит
уже не сплю вернее просыпаюсь
и над морями восстаёт горит
рубаха алая моя как вечный парус

6. шестое октября прыжки с шестом
и как в такси включило небо счётчик
и бог лишь бог – нисколько не жесток
а просто по московскому расчётлив
и мир есть мир - не сложен и не прост
езде война за исключением кабула
а мы – с тобой мы встанем в полный рост
и звёзды пролетят сквозь нас как пули
и стикс я знаю повернётся вспять
бурлящий словно от таблетки аспирина
и мы с тобой пусть упадём опять
на эти облака как на перину

Лейпциг. 1, 6 октября.

Нечего терять 2

мы все учились понемногу
помногу пили после школы
и выпив долгим монологом
читали бродского без шпоры
а бродский в это время виски
глушил в каком-то баре грустно
и рифмовал дорогой вывески
на брайтоне такие русские
я тоже с комплексом Ивана
мешаю с самогоном тоник
и засыпаю снова в ванной
пошли все на. Муму не тонет.

Александру Башлачёву

Похороны шута или после третьей будут танцы

там охуели все когда он спел
зашкаливала и аппаратура
и бюст у старшекласницы был спел
и словно для руки его придуман
а он не знал война сейчас иль нет
и для чего досье его копнули
и падал снег чтоб было всё честней
снег прошивал насквозь шинель как пули
потом он к трубке телефона так приник
как будто нет уже пути обратно
и вышел в этот воздух напрямик
минуя радио и с ним все хит-парады
что вам ещё? напелся он здесь всласть
пел словно револьвер смотрел в затылок
и свадьба петербургская неслась
и никого в округе не щадила

Валентинка

я опять под колёсами сероквеля
я всего боюсь и в себя не верю
словно я был болт и меня отвинтили
и пишу тебе на исходе дня валентинку

здравствуй милая, здравствуй
ботинки и вправду совсем износились
я их выкинул. в австрии
не нужны газонокосильщики

и особенно дипломированные слависты
электронную сигарету выкинул. перешёл на Winston.

Ты была босой. Ты была Асолью.
Ты пришла как и все сюда... Ты пришла за болью...

я же пьян был и вытягивал вроде
ноты, что ещё и не пробовал взять Паваротти

здравствуй Милая, здравствуй
мы с тобой не увидимся завтра
потому что меж нами лежит столько шпал
что без плана заебёшься считать

здравствуй Милая Нежная Милая
видишь, снова учусь писать по слогам...
здравствуй Милая... шея намылена
мылом для которого сам написал слоган

Ромео и Джульетта

прописана в сердце джульетта
вот этот ромео и лох
явился без бронежилета
в постели однако не плох
а ты ни о чём не жалела
невинности сдуру лишась
но помни навеки джульета
монтекки стреляют лишь раз
любовь до психушки до гроба
и как рассказал менестрель
джульетта лежит в луже крови
во лбу у неё огнестрел
ромео привязанный к койке
вдыхает разлитый йод
шекспир по глухой новостройке
за водкой второю идёт

Провинциальное 6

московская жара дошла до нас
(в москве бюджет распиливает путин
и запускает спутники с глонасс
чекистским глазом - чист, душою - мутен)
я еду в казино но не в такси
чтоб проиграть последнюю двадцатку
заложник скорби, мировой тоски
и пью reserve из горла, его остатки.
на главной площади один из местных будд
за веру бьётся с группой омона
вернее бьют его, верней - ебут
менты красивые, менты в законе.
у заводского клуба депутат
на ламборджини клеит малолеток
чтоб по понятиям на вилле воспитать
плюс тридцать три в тени. райцентр. лето.
лицом в. ленин к мэрии стоит
взгляд человечен и как прежде зорек
под ним метлой рисует азбуку саид
плюс тридцать три в тени. на солнце - сорок.

Город солнца

путин танцует лезгинку
мудрое сделав хлебало
а в стороне мистер глинка
мурку на корге лабаёт

энгельсон вместе с карл марксом
крупскую клеят в мытищах
снявший хоккейную маску
пишет татьяне мудищев

игорь полки собирает
где-то на севере в тундре
падают с неба бураны
жить так напряжно и трудно

слёзы а может лишь ливни...
спрыгнув с уборщицы голой
крестит кирил так стыдливо
русь в ожиданьи монголов

я над строкой зависаю
в синей нестиранной майке
а на меня как из зала
с неба глядит сам навалыйный

Улыбка Джоконды или русские не сдаются

доставлено. прочитано
мне слов твоих всё мало
на простыни на чистые
ты со звезды упала

энигма рвёт наушники
мажорами минорами
в эпохе этой душно мне
бездушие стало нормою

с дружкой музеев возле
берлин по пьянке метили
прими в подарок воздуха
четыре кубометра

в кармане нож и лезвие -
футбол в одни ворота
я без билета в с-бане
проехал пол-европы

не напечатан в «знамени»
рисую на заборах я
ведь боги слишком заняты
своими всё разборками

от пиздеца вселенского
укроемся за ставнями
построим в небо лестницу
прочитано. доставлено

Новые приключения Алисы в стране чудес

раскрыт твой зонт как нищего душа
и сердцу во вселенной этой тесно
но привыкаешь набело дышать
без правок и без сносок к тексту
читая как смертельно матерясь
крушили дом еврея по наводке
алиса обожглась в четвёртый раз
палёной самурайской водкой
плевался спермой вязкою наган
и жизнь кабацкий лабух пел в миноре
а под другой обложкой джонатан
качал крылами голубое море
смотрела ночью конкурс красоты
и между строк ответ свой отмолила:
мы вправе выбирать себе кресты
которые поставят на могилы
но дальше не спалось — ведь жгли костры
охранники и пел кавказский пленник в яме:
мы вправе выбирать лишь те кресты
к которым нас приклеют дюбелями